

*dream
love
believe*

Мария
Суворовская

От автора
«Качели
над
Каспием»

ДОМ

у виноградника

Мария
Суворовская

ДОМ У ВИНОГРАДНИКА

Повесть о зрелой любви

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44
С89

18+

Суворовская Мария Сергеевна
С89 **Дом у виноградника. –**
М. Издательство Перо, 2019. – 120 с.

ISBN 978-5-00150-672-0

Настоящая любовь, как и вино, должна родиться вовремя, в хороший год. К любви нужны быть готовым, созреть как виноградный сорт, чтобы чувства, как превосходное вино, восхищали и жили долгим и приятным послевкусием. Зачастую путь к долгожданному счастью лежит через испытания, боль. Но эти тернии добавляют крепости, сложности характера, что ценно для формирования многогранной и гармоничной личности, способной оценить ценность второй половины, повстречавшейся на жизненном пути. Это книга о том, что никогда не поздно начать всё заново. Для этого надо сделать глубокий вдох, или глоток вина, и открыться своему сердцу.

Каждая глава книги названа сортом винограда, из которого производится вино в Исмаиллинском районе Азербайджана.

Р. S. От автора: Книга не является пропагандой алкоголя. Помните, что чрезмерное употребление вина вредит вашему здоровью. В употреблении вина, как и во всём, важно чувство меры.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44
ISBN 978-5-00150-672-0

© Суворовская М.С., 2019

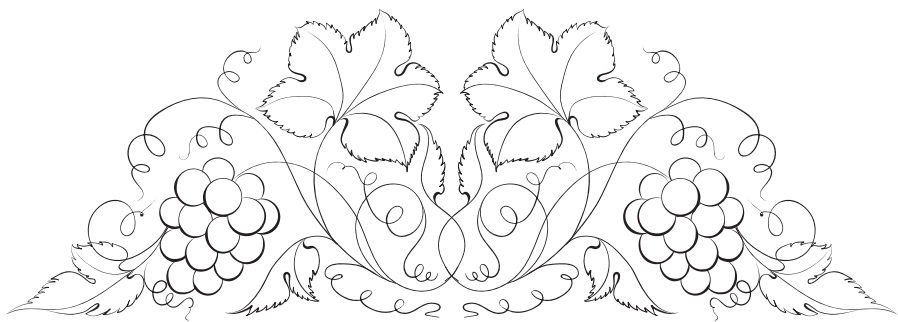

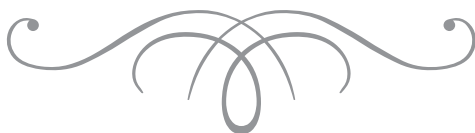
МЕРЛО	5
МАТРАСА	26
САПЕРАВИ	48
КАБЕРНЕ	62
БАЯН ШИРЕЙ	90
МЦВАНИ	112

---

*Я благодарю свою семью, своих родителей, Константина, детей
за поддержку и время для создания книги.
Обнимаю своего лучшего иллюстратора – мою дочь Варвару Смирнову.
Признательна своей команде за воплощение идеи.
Спасибо Вадиму Винокурову, Саадет Караевой и всем, кто болел душой
за эту книгу и её реализацию.
Отдельные слова благодарности моим читателям в России, Азербайджане
и в любой другой точке планеты. Вы в моём сердце!*

Ваша Мария Суворовская.

МЕРЛО

«Хорошее вино – как хороший фильм: быстро заканчивается, оставляя великолепное послевкусие; с каждым глотком в нём открывается что-то новое, и как это часто бывает с фильмами – оно рождается и возрождается в каждом новом ценителе»

Федерико Феллини

Почему нельзя жить, будто ты выпил бокал вина? Нет, никакой торжественности. Просто бокал красного сухого вина. С ароматом ежевики, малины, а может, черешни. Или с привкусом инжира, чёрного перца, горького шоколада. Катя встряхнула бокал, посмотрела на глубокий винный цвет и ощутила тяжёлую, пронизывающую грусть. За последний месяц не было выходных, ни одной минуты для вдоха и выдоха, полная безысходность. Ей казалось, что этот сумасшедший бег ведёт в никуда, никогда не будет финиша или даже остановки. Усталость опустилась тяжестью в конечности, отпечаталась на лице и грозила серьёзными недугами. Сегодня в шесть вечера Катерина закрыла ноутбук, взяла вещи и молча покинула офис. Решив никому ничего не говорить, не объяснять, а просто двинуться в сторону спокойного вечера, которого так не хватало её организму.

Москва тихо дышала летним вечером. Прогуливающаяся молодёжь весело кокетничала, запивая праздничное июльское настроение кофе

и коктейлями. Летние веранды радостно гудели, пахло жареным мясом, цветами и нагретым асфальтом. Город. Катя растворилась в нём, потеряв в многочисленных людских потоках собственную подавленность. Позвонила Вика. Предложила посидеть в их любимом «Карлсоне».

– Посмотри, на кого ты похожа, – бесцеремонно начала Виктория.

– На кого? – обречённо спросила Катя.

– На усталого и убогого осла, который тащит груз больше своего веса. У тебя на лице так чётко проявились мимические морщины, что даже опытный косметолог с ними не справится.

– Когда Русик уехал в Лондон, я решила, что надо заполнить работой всё время в сутках. Кроме сна, разумеется. Но порою и вместо него я тоже работаю. Когда не спится.

– Рустам вырос. Он уже взрослый мужчина. Хватит скучать. Пора начать свою, свободную и независимую жизнь. Как там... Про то, что в сорок всё только начинается.

Кате было уже не сорок. А сорок с приличным хвостиком. И последние двадцать лет она действительно жила ради сына. Рустам вырос красавцем. Получает высшее образование в Англии. Смесь кровей, темперамент, голубые глаза. Мамина гордость. Такой, каким она мечтала его видеть, когда её драгоценный Русик был маленьким. Трудное её счастье, но такое дорогое. Дитя любви, нескольких жарких ночей. Привезённый каспийским подарком на стыке двух тысячелетий. Он всегда был и останется главным мужчиной в её жизни. Катя сделала выбор. Может быть, это мешало основательному приходу в её жизнь настоящих долгих отношений, созданию традиционного брака. Почему нельзя жить, будто ты выпил бокал вина? Вопрос – однозначно риторический. Катя смотрела в бокал мерло, словно ища в нём ответ. Перезагрузка. Ей давно надо было нажать кнопку на собственном сознании, подержать секунд десять и включить снова. Эти судьбоносные десять секунд могли всё ещё раньше изменить. Рустам, возможно, принял бы какого-нибудь замечательного отца, и Катя со временем бы его полюбила. Начала бы с физики, добралась до химии.

Катя смотрела на Вику и думала о том, что время убегает. Оно ускользает от неё, смеётся над ней, махая хвостиком в темноте бесконечности. Рот Вики не закрывался. Наверное, она вещала про любовь к себе, салоны красоты и путешествия, которые так необходимы Катерине, про смену обстановки. Но Катя её не слышала, она смотрела на мир, отключив звук. Звук тикающих часов был единственным, что она слышала. Тик-так. Тик-так. Время уходит. Какое странное понятие «время». Мы редко его анализируем, будучи уверенными, что завтра наступит новое утро. И только читая вечернюю молитву, начинаешь понимать, что завтрашнее утро – это подарок. Каждое утро – это подарок. Потому что его может не быть. И всё, что мы так упорно откладываем на завтра, послезавтра, на следующее лето, будет не исполнено, не реализовано. Есть только здесь и сейчас. Другого времени нет.

Катя сделала глубокий вдох, задержала дыхание примерно на семь секунд и выдохнула. В это мгновение она заставила себя вспомнить что-то важное, достать из памяти кусочек прошлого, который может её спасти, поднять с этого эмоционального дна. И она увидела море, его нежную пену, свои босые ноги на песке. Катя почувствовала теплоту песка. Она даже пошевелила пальцами в реальности, но, почувствовав тиски туфель, поспешила ускользнуть в собственные мысли. Море двигалось, словно живой организм, пытающийся что-то сказать шумом пены. Катя вспомнила, как умела любить там, на берегу Каспия. Вспомнила невероятные синие глаза того, кто навсегда перешёл в другой мир и чьё время здесь, в этом измерении, исчезло навсегда. Нет, она не сожалеет. Потому что Бог дал им так много. Он даже оставил ей частичку него, этого сильного и волевого мужчины. Она видит его в Рустаме, своём сыне. Видит каждый день. И это самое большое счастье.

Море плескалось, оно дышало. Она чувствовала его. Махачкала, берег, его руки, губы. Господи, почти двадцать лет. Двадцать лет! Время, почему? Почему ты так бежишь? Страшно. Страшно и больно. Двадцать лет она не испытывала эмоцию сильнее той. Тем более так не любила. Любовь к сыну не в счёт. Море... Такое же синее, как его глаза. Эти

магические голубые глаза. Сколько они ей снились! Сколько она просыпалась в слезах, понимая, что уже ничего не изменить. В груди кольнуло. Время не властно над любовью. И даже смерть не может её убить. Любовь – космическая единица. Вне времени, вне пространства, вне правил, вне рамок, вне этого меркантильного, сложного и противоречивого мира. Духовная любовь намного ярче физической. Когда сливаются тела, взрывается энергия, часть её уходит из солнечного сплетения. Когда же любишь, не прикасаясь, не целуя, не обнимая, ты хранишь всю энергию внутри, и концентрация её растёт с каждым годом. Никто не вытащил из неё этого. Ни один мужчина. Потому что она не давала. Как Цербер, она охраняла то, что так грело её изнутри. Грело и сжигало. С того света не возвращаются. Иногда заходят. В сны. В мечты. Но обратной дороги, увы, нет.

Море шипело. Тот берег, тот пляж. Сколько ещё проигрывать эти кадры, чтобы забыть? Никогда, никогда он не уйдёт из её головы. Она помнит сон. Хорошо его помнит. Рустаму было уже двенадцать. Она познакомилась на приёме в Посольстве Франции с интересным человеком, владельцем галереи, творческим, тонким. Он красиво ухаживал. Цветы, лучшие панорамные рестораны, выходные в Париже с потрясающей романтической программой. Всё было хорошо. Катя даже поверила, что вот он, переломный момент. И вдруг сон.

Море. Как тогда. Она идёт по берегу. Смотрит вдаль. Вечереет, и быстро темнеет море. Вдруг кто-то обнимает её сзади. Она чувствует знакомый запах, видит сомкнутые на её груди руки. Изгибы пальцев. Точно такие же, как у Русика. Над правым ухом дыхание. Горячее. В этот момент во сне её пронизывает волшебство. Она словно летает. Шум моря, они двигаются в такт. Она чувствует прикосновение губ сначала на виске, потом на шее. Его аура, его энергетика. Как? Как это происходит? Волшебство.

– Привет, – слышит она сквозь поцелуи.

Очень хочется повернуться, увидеть его лицо. Но он крепко её держит. Настолько крепко, что она даже не может пошевелиться. Веч-

ность. В этих объятиях вечность. Губы скользят, согревая её тело.

– Ещё не время, – произносит он.

– Почему? – отвечает Катя.

– Не тот, – два слова, всего два слова из любимых уст обожаемым голосом.

Кто не тот? О чём он? Там, во в сне, она приготовилась задать миллион вопросов. Но объятия ослабели. Руки на груди превратились в песок, рассыпались, пропало дыхание над ухом. Она проснулась. Мокрая подушка. Ощущение страха и экстаза одновременно. Он был рядом. Секунду назад. Значит, он где-то есть. Значит, он её видит. И значит, она не одна. Было три ночи. Она тогда ушла пить кофе на кухню и плакать, глупо плакать до утра. Взрослые девочки тоже плачут. Когда обида за потерю разбивает и не даёт прийти в себя. Это во сне ей хотелось задавать вопросы. Но после кофе всё было понятно. Тонкий любовник – не её судьба. Не веря в мистику, Катя решила, что это игры сознания, такой внутренний анализ ситуации. Что это её решение таким образом вылезло во сне. Отношения, конечно, были завершены. Без жалости. И всё шло своим чередом. Рустам, работа, подруги, встречи, мероприятия. Катя сама не понимала, готова ли она к отношениям. Сможет ли она принять кого-то душой, сердцем, бытом. Всё её пространство принадлежало сыну. И, что самое удивительное, Катя не жалела себя, как другие одинокие женщины, тем более – матери-одиночки. Она жила в гармонии. Любовь к сыну. И мысли о прошлом. Это давало силы двигаться, творить, созидать. Было, значит есть – философия её жизни. В её жизни всегда была, есть и останется та глубокая история.

Вика продолжала говорить. Похоже, что её не останавливало молчание Кати.

– ...понимаешь? – Вика задала вопрос и смахнула прядь с лица.

– Что понимаешь? – сделав глоток вина, переспросила Катя.

– Ты меня вообще слушаешь? Надо улететь. Понимаешь? – Вика не сдавалась.

– Куда? Зачем улететь? – Катерина растерянно смотрела на Вику:
– Прости. Наверное, я совсем перегрелась.

– Я уже минут сорок пытаюсь достучаться до тебя. Тебе надо улететь из страны. Перезагрузиться. Выспаться. Не знаю... Понять, что жизнь может быть другой. Работа-сын. Сын-работа. Это день сурка. Замкнутый круг. Давно пора его разорвать и впустить в жизнь волну чистого воздуха перемен.

– Перемены – это не всегда хорошо. Меня в принципе всё устраивает. Выспаться надо. Согласна. Но кардинально менять жизнь я не собираюсь, – Катя пыталась успокоить Вику, которая вошла в азарт мгновенно поменять жизнь Катерины.

– Я не могу смотреть на твой потухший взгляд. Ты достойна большего. Мне очень хочется, чтобы кто-то или что-то зажгло тебя заново, – Вика пристально посмотрела на Катю.

– Ты думаешь, это возможно?

– Я думаю, что ты должна попробовать.

Июльский вечер обнимал Москву, стало прохладно. Взяв такси, Катя поехала домой, поблагодарив Вику за поддержку. Щипало горло. Наверное, ледяная вода, выпитая днём, дала о себе знать. Заварив травяной чай, Катя залезла под одеяло. Открыла ноутбук. Зашла в почту. Совсем уйти от работы не получалось. Значок почты манил включить, посмотреть. Уже пять лет Екатерина Ланская руководила информационно-развлекательным телеканалом. Известным, популярным. И почта всегда была переполнена вопросами, договорами, концепциями проектов.

Секретарь Инна прислала новую заявку на программу туристического направления. Показать хотели объекты Азербайджана. О месте возможных съёмок Катя слышала впервые. Исмаиллы.

В этой азербайджанской местности было много того, что стоило посмотреть туристам. Например, небольшой живописный посёлок Лагич – историко-культурный заповедник, включённый в туристический маршрут «Великий шёлковый путь». Село с русским названием Ивановка, в котором не счесть достопримечательностей. Говорят, там селились и

объединялись люди разных национальностей. Удивительная природа и уникальный природный ландшафт, свобода, доверие, неповторимый уклад и величие мечетей до сих пор привлекали в него тысячи туристов. Расположенный на склоне горы Баскал, древнейший населённый пункт Азербайджана. Катя смотрела на фотографии и дивилась его красоте.

Сам Исмаиллы – современный город с развитой инфраструктурой. А в четырёх километрах от деревни Талыстан и в семи от районного центра расположилась крепость Джаваншира. Добраться до неё от деревни можно только пешком или на лошади.

В предгорьях села Ханагах предположительно с шестнадцатого века стояла Девичья башня. Ещё одна достопримечательность – крепость Гырхотаг – возвышалась на правом берегу реки Харам. Катерина заворожённо смотрела на живописную местность крепости: сверкающие кристаллы горных вершин, каньоны, утопающие в зелени, леса, наверное, полные обитателей. Катерина словно прикасалась к абсолютно другой жизни.

Оборонительные сооружения местности Галаджика впечатляли своим размахом. Крепость Гасымхана монументально стояла на берегу реки – редкое свидетельство военных дел и архитектуры прошлого. Восхитительное озеро – Ашигбайрамлинское водохранилище, – грандиозный водоём площадью в восемьдесят гектаров.

Посмотрев на самую высокую точку Исмаиллы, гору Бабадаг, Катя вспомнила давнее высказывание о том, что лучше гор могут быть только горы. Это было ни с чем не сравнимо. Погрузившись в мир яркой природы подножия южного склона Большого Кавказа, Катя даже практически позабыла об усталости, выгорании и поисках смысла жизни. Захотелось спать. Горло щипало всё сильнее, но Катя проваливалась в спокойствие, тихий и безмятежный сон.

Утром зазвонил будильник. Он всегда звонил в будни в шесть тридцать. Катя потянулась, попыталась проглотить слюну и поняла, что горло болит беспощадно, словно тысячи иголок впиваются в него. Встав с кровати, Катерина сделала ещё одно грустное открытие: у неё явно

температура. Болела она редко и ненавидела это состояние за беспомощность, бездействие и следующую за ними потерянность. Найдя в аптечке жаропонижающее и таблетки от боли в горле, Катя написала сообщение на работу, что сегодня не придёт по состоянию здоровья. Вернувшись обратно в кровать, Катерина думала снова заснуть. Но не тут-то было. Вечерние разговоры с Викой прокручивались в голове. Под давлением температуры было очень жаль себя. Ворочаясь с боку на бок и понимая, что с каждым часом становится только хуже, Катя набрала знакомому терапевту. Кирилл Вячеславович жил по соседству и трудился в частной клинике. Они давно сдружились, и в трудные моменты недуга Катя просила его о помощи. Тот пообещал зайти часикам к четырём.

Ровно в назначенное время он позвонил в дверь. Катя попыталась привести себя в порядок, из последних сил приняла душ, переоделась.

– Лето, жара, а ты в таком состоянии? – Кирилл (а Катя могла позволить себе обращаться к нему без отчества, учитывая десять лет болезни и чаепитий) сочувственно посмотрел на неё.

– Да уж. Не позавидуешь. Я хотела поехать на работу, выпила...

– Давай без работы. Хотя бы пару дней, – врач остановил поток её хриплой речи, – тебе уже не шестнадцать. Прости. И беготня с температурой ничем хорошим не закончится.

Он посмотрел горло. Послушал.

– Лёгкие чисты. А ангина знатная. Придётся пить антибиотики. И, само собой, посидеть дома.

– Я с ума дома сойду, – возмутилась Катерина.

– Не сойдёшь. Не ты первая, не ты последняя. Отдохнёшь, кино помотришь, книги считаешь.

– У меня работы выше крыши, – почти без звука сказала Катя.

– Слушай, не спорь. Когда ты в последний раз отдыхала? В отпуске была?

– Два года назад ездила с Рустамом на месяц в Италию.

– Хорошее дело. А два года, значит, по-стахановски трудилась, – резюмировал Кирилл.

– Именно, – больше не найдя что ответить, сказала Катя.

Кирилл был стильным аристократичным мужчиной сорока лет. Неженатым, потому что считал, что брак – дело непонятное, и все красоты жизни можно познать только в холостяцком состоянии. В их отношениях никогда не было романтического флёра. Кирилл Вячеславович был палочкой-выручалочкой, она набирала ему по телефону в критичных случаях. Он всегда был одет с иголочки, чист, аккуратен. Его советам хотелось доверять. А главное, они действительно помогали.

– Так. Купить таблетки, прополоскать горло, – он протянул Кате листок с названием препарата, – и лежать. Я очень тебя прошу лежать. Вставать только в случае необходимости. И мой тебе совет: езжай в отпуск. Вид у тебя так себе. Кто тебе ещё по-честному скажет, кроме врача? – Кирилл подмигнул.

– Вика вчера сказала. Да я и сама вижу.

– Видишь, а действий никаких не прикладываешь для исправления, – погрозив Кате указательным пальцем, Кирилл собрал вещи и оставил её в грустном состоянии больного и одинокого человека, сказав на прощание: – В горы бы тебе. Туда, где народу поменьше. Пока.

Заказав по интернету таблетки, Катя снова выпила жаропонижающее. Телевизор смотреть абсолютно не хотелось. Читать было тяжело, глаза слезились. Горы? Обалдел Кирилл совсем. Нет бы – к морю. Понятно всё. А зачем ей горы? Катя открыла ноутбук. На мониторе высветились снова горные ландшафты. Катерина пролистала фото Исмаиллы. Какая же сила! Какая невероятная мощь! Она поняла, что именно силы, физической и душевной, ей сейчас не хватает. Чтобы изменить себя, поменять жизнь вокруг и внутри, нужно взять где-то энергию, решиться. Сила воли, сила духа, сила тела. Нет ничего. Она пуста.словно незаполненный сосуд. Каньоны, горные вершины. Живут же люди, которые видят это каждый день! Катя представила, как они выходят утром на крыльцо дома, любуются восходящим над горами солнцем. Наверное, они жарят себе яичницу, заваривают чай и завтракают, опять же, любуются природой. Катя по-доброму позавидовала кавказским жителям.

«Вот поэтому они так долго и живут, – решила она. – Не то, что мы, московские жители, в выхлопных газах и компьютерах с утра до ночи. Сбежать бы от всех куда-нибудь в маленькую азербайджанскую деревеньку. Вдыхать горный воздух, есть свежий хлеб и экологически чистые продукты. Нет, глупости», – перебила она себя.

Скорее всего, она и трёх дней там не выдержит. Одиночество в городе чувствуется, только когда ты остаёшься дома наедине с собой. А там, видимо, за каждым завтраком и ужином с видом на горы она будет лить слёзы по ушедшей молодости и приближающейся старости.

Катя посмотрела на себя в зеркало. Несчастное существо с покрасневшими глазами, выступившими морщинками на лбу и абсолютно равнодушным взглядом смотрело на неё. Нет, так нельзя. Так нельзя относиться к себе. Права Виктория. Она не заслужила такого. Прав Кирилл, что здоровье дальше будет только ухудшаться. Если... Если она не научится радоваться жизни, её рассветам и закатам. В конце концов, если Бог создал каждой твари по паре, может, и её где-то бродит по свету. Или она умерла. Катерина снова вспомнила голубые глаза и берег Каспия. И взвыла. Боль нарастала. Температура поднималась.

Позвонили в дверь. Привезли антибиотики. Выпив их вместе с двойной порцией жаропонижающих для эффективности, Катя набрала секретарю.

– Инна, расскажи мне о заявке по съёмкам в Азербайджане.

– Екатерина Николаевна, да, добрый день, прислали её ещё на прошлой неделе. Простите, забыла вам передать, – секретарь спешно произносила слова, проглатывая окончания.

– Не тараторь. Какие сроки по съёмкам? – уточнила Катя.

– По-моему, к концу октября надо подготовить. И как раз в новом сезоне программы «Незабываемое путешествие» протранслировать. Заказчик – туристическая компания. Их интересует также специальный проект. Они планируют активно развивать это направление.

– Организуй наших, пусть кто-то из координаторов проектов встретится с ними, уточнит нюансы. Посмотри для меня билет туда на следующую неделю, – произнесла Катя и удивилась самой себе.

– Вы хотите сами посмотреть места съёмок? Ничего себе! Вы же никогда не смотрите, и у вас на следующей неделе встречи. И вообще...

– Без «вообще», – Инну надо было остановить. – Значит, отмени встречи. Там приличный бюджет на продвижение, полечу сама. Пробуду там неделю. Может, придумаем реалити-шоу.

Никакое шоу, конечно, придумывать она не собиралась. Просто захотелось побывать там, где горы возвышаются над миром и готовы делиться своей силой и мощью с теми, кто их готов полюбить всем сердцем.

– Вам гостиницу арендовать? – спросила Инна.

– Лучше дом. Хочу посмотреть жизнь изнутри.

– Хорошо, поищу. Отпишусь попозже. Вы одна полетите? – уточнила секретарь.

– Конечно. Как обычно.

Катя не любила брать кого-то с собой в командировку. По её мнению, смотреть новые места лучше одной. Приятно пропускать через себя новую культуру, настроение и колорит в гордом одиночестве. Положив трубку, Катерина испытала нечто похожее на облегчение. Неделя отдыха. В горах. В красотах Азербайджана. Отчаянный поступок. Но предвкушение поездки даже прибавило сил. Катя сделала себе бутерброд, съела его со сладким чаем. Никогда не сдаваться. Столько лет она учила этому своих подчинённых. Но так часто забывала об этом сама. После сорока жизнь только начинается, как говорили в известном фильме, и ей очень хотелось в это верить. Катя посмотрела на фотографию сына, стоящую на полке. Рустам уже совсем взрослый. Он не нуждается в ней как раньше. Скоро у него будет своя семья. А когда-то он был чудесным мальчиком, ради которого она жила. В нём она каждый день видела любимого мужчину, подарившего ей это чудо. Как же они похожи! Их голубые глаза. Время. Несколько дней в Махачкале почти много лет назад поменяли десятилетия её жизни. Время. Прошли годы, чтобы увидеть и снова потерять отца своего ребенка. Спектакль, захват заложников, страх и знакомый взгляд одного из террористов. Он, конечно же, отпустил их. И оставил их навсегда. Она никогда не осуждала его. Никогда. Всё было так, как было. И Рустам знает только

лучшее о своём отце. Даже если бы он был жив, вряд ли бы их судьбы объединились. Порой, к её собственному ужасу, она счастлива, что он «там», а она «здесь». Он не стал чьим-то мужем и навсегда остался её, только её любовью.

Самолёт сумасшедшей птицей рванул ввысь. Внизу оставалось всё: работа, заботы, одиночество, проблемы, залеченная простуда, провожавшая её Виктория. Она летела туда, где никогда не была. И эта мысль будоражила воображение. Её никто не ждал, кроме руководителей пары туристических объектов, с которыми предстояло встретиться для приличия и признания поездки командировкой. В самолёте мы полны идей и планов. Перемещения в пространстве – это всегда надежды, мечты, поиски. Кате казалось, что в последние годы она может мечтать только в самолёте. Это была зона свободного воображения. Катя смотрела в иллюминатор и думала о том, как реки проникают в моря, как повзрослеет Рустам, родятся внуки, она купит дом на берегу Средиземноморья, будет наслаждаться свежими фруктами и вином и слушать детский смех. Мысль о собственных маленьких детях казалась ей утопической. Возраст и отсутствие душевных сил встретить близкого человека наложили запреты на такие мысли.

Катя прилетела в Баку, в аэропорт имени Гейдара Алиева. Оттуда ей предстояло ехать почти три часа до деревни рядом с Исмаиллы, где Инна забронировала дом. Двести километров дороги. Её встретил серьёзный кавказский мужчина в костюме, державший в руках табличку с её фамилией. Чёрный немецкий автомобиль бизнес-класса ждал на парковке. Катя мысленно порадовалась подготовке Инны. Годы корпоративного воспитания дают о себе знать. Ещё три года назад так бы хорошо её не встретили. Тогда Инна только пришла к ней, тонкой, как ниточка, провинциальной девушкой, которой казалось, что продукт российского автопрома двадцатилетней выдержки – вполне пригодное транспортное средство. Сейчас же всё иначе. Новенький салон автомобиля пах кожей, за окном мелькали азербайджанские пейзажи. Чудесная погода, солнце. Как же прекрасно, что она вырвалась, убежала от привычного ритма.

– Включить музыку? – спросил водитель.

– Не очень громко. Будет здорово. Спасибо, – улыбнулась Катерина. Почему-то ей хотелось улыбаться. Широко. Искренне. По-настоящему. Улыбкой довольного человека, улыбкой гармонии, улыбкой детства.

Катя вздремнула. Когда открыла глаза, по словам водителя, оставалось ехать тридцать километров. Не зря Исмаиллы является курортной зоной. Могучие горы, лазурное небо, зелень особого яркого оттенка. Удивительно! Как же здесь удивительно!

– Вы знаете, Исмаиллы – это место, где рождаются легенды, – заинтриговал водитель.

– Почему? – спросила она.

– Потому что здесь много уникального. Леса, водопады, родники. Обязательно побывайте в городе Лагич. Это территория ремесленников, практически музей под открытым небом. Кстати, вы знаете, как родилось название «Исмаиллы»?

– К сожалению, нет. Расскажите, – доброжелательно попросила Катя.

– Говорят, жили влюблённые юноша и девушка. Однажды девушка стояла на дороге и ждала возлюбленного. Проходил мужчина и спросил, кого она ждёт. На что та ответила: «Жду Исми-Маили», – то есть «Жду такого-то по имени Маил». Вот с того самого дня и стали называть это место «Исми-Маили». Уже со временем название поменялось на «Исмаиллы».

– Да, как говорится, в каждой легенде есть доля легенды. История топонимов всегда любопытна. Что выращивают здесь?

– Много чего. Фасоль, например. Здесь это любимая культура, урожаем которой собирают два раза в год – весной и осенью. Из неё тут готовят много разных блюд, сушат фасоль, маринуют. Если зайдёте в дом исмаиллинца, вас обязательно угостят лобья чыхыртмасы. Это жаркое из зелёной фасоли. Ещё могут подать к столу сулу пахла – фасолевый суп. Здесь даже плов делают с фасолью, – водитель, по всей видимости, хорошо знал эти места.

– Эта местность вам знакома? – уточнила Катя.

– Да, у меня жена отсюда. Поэтому традиции Исмаиллы я знаю неплохо. Здесь живут не только азербайджанцы, но и лезгины, русские, таты, а также хапыты – одна из народностей Кавказской Албании. Ещё есть лагичане. Формально они, конечно, таты, однако считают себя отдельной этнической группой, у них даже свой особый диалект. Город Лагич известен кузнецами, там, впрочем, и ковры ткут, и шьют национальную одежду. Походите по городу, получите огромное удовольствие. В Лагиче живёт старик-мастер – почти человек-легенда, – незрячий от рождения, он изготавливает прекрасного качества амуницию для лошадей – сбруи, стремена, сёдла. Поговаривают, что один из символов самодержавия России – шапку Мономаха – тоже изготовили лагичане. Факт неофициальный. Но эту наследственную регалию подарил правитель Золотой Орды Узбек-хан Ивану Калите. Скорее всего, её точно изготавливал кто-то из восточных мастеров. Возможно, и житель Лагича.

– Вы просто энциклопедия, а не водитель, – пошутила Катерина.

– Меня предупредили, что приедет женщина-журналист. Дорога будет не быстрая. И я дополнительно подготовился. Сам-то я бакинец, – рассмеялся водитель.

– О Лагиче я мало слышала. Больше про Ивановку.

– Да, знаменитый колхоз. Его ещё в 1936 году создали. О натуральных ивановских продуктах – масле, сырах, сметане – говорить не стоит, спрос на них большой.

– Надо будет попробовать. Чувствую я, здесь вкусно кормят на каждом углу. Так можно и поправиться.

– Горный воздух. Всё переработать поможет. Не думайте об этом. Тут свобода. Самая настоящая. Поэтому и чудес много. Вот мы и приехали.

Катя посмотрела в окно и увидела дом. Ей представлялась маленькая избушка в горах. Но Инна посчитала иначе. Катерине некогда было смотреть варианты, и она попросила Инну выбрать на свой вкус. Дом был внешне отделан светлым камнем. Около дома высажены клумбы. Водитель помог донести чемоданы до крыльца. Катерина поблагодари-

ла его за рассказы о местности и, как только он отъехал, достала ключ из-под коврика, как сказала Инна.

Вот куда ей одной такой большой дом? Вилла в двести квадратов. На первом этаже гостиная с камином и эркерным окном. Ванная и небольшая кухня были чистыми, с относительно новой мебелью и свежим ремонтом. Из окна кухни виднелся сад, от дома спускались ступеньки к беседке. Катя уже представила, как заварит чай и пойдёт туда размышлять о жизни. На втором этаже три спальни. Придётся ей, как Сталину на даче от врагов, переходить из одной спальни в другую; что ещё делать, надо осваивать территорию.

Дом был нейтральным, в нём отсутствовали детали, говорящие о прежних хозяевах и их пристрастиях. Катя открыла окно и вдохнула воздух. Как давно она не чувствовала такой воздух! Его хотелось не только вдыхать, мечталось его пить огромными жадными глотками.

Интересную аннотацию прислали Екатерине заказчики программы. Они уверяли, что за вкусным сыром, полями подсолнухов и чистой водой озёр не обязательно ехать во Францию, достаточно побывать в Исмаиллы. С каждой минутой она всё больше убеждалась, что этот азербайджанский уголок ничем не уступает европейским премиум-курортам. Катерине было спокойно. Впервые за долгое время такое впечатление, что её ничего не тревожило. Тишина. Вокруг никаких резких звуков. Девственность и красота природы. Она поставила чайник. Порылась на полочках, нашла заварку. В окне растворялись закатные лучи. Как много пройдено! Четыре с лишним десятка лет, половина, а то и больше, жизни. Что она не успела? Ох, как много она не успела. Здесь, в горах, она чувствовала, что закат спускается над небом, принося рассвет в её жизнь. Она просто обязана тут отдохнуть, набраться сил и вернуться в Москву обновлённой. Молодевшей, посвежевшей. Завтра же пойдёт гулять на целый день, чтобы ноги заболели, а голова освободилась от всего, что в ней накопилось.

Чистый воздух и могучая горная природа способны излечить любые душевные раны. Чем больше смотришь на горный ландшафт, тем лучше себя ощущаешь. Всё-таки здесь, в Исмаиллы, чувствуется русское,

христианское. Дух молоканской общины, основавшей деревню Ивановка, навсегда изменил эту территорию. Отступников канонів православия Екатерина Великая выслала из Российской империи, и с тех пор Исмаиллинский район стал их родиной. Молокане прибыли сюда из центральных губерний России два века назад. Место поселения выбрали не случайно. В южном крае молокане долго переселялись с места на места, но плодородные равнины и чистейшие озёра Кавказа приютили их навсегда. Село стали называть Ивановкой с 1840 года, по имени основателя поселения Ивана Першого. Молокане – сторонники так называемого духовного христианства, отрицающего обряды и любые формы посредничества в диалоге человека и Бога. В селе нет церкви, но есть молельный дом. Молокане в Исмаиллы начинали всё с нуля. Трудолюбивый народ активно засеял плодородные земли. Катерина помолилась, заварила чай.

Осваиваясь на чужой кухне, ей было любопытно, что находится в шкафах и ящиках. Всё-таки ей временно хозяйничать в этом доме. В первых ящиках, открытых Катей, ничего интересного не нашлось. Соль, сахар, крупы. Но в угловом шкафу её ждал приятный сюрприз – бутылка вина. Катерина пристально вчиталась в этикетку. Оказывается, о чудо, вино сделали здесь, в Исмаиллы. Оставалось найти штопор. Но проблемы удалось избежать: тот лежал в выдвижном ящике со столовыми приборами. Вопрос: «Пить или не пить?», – даже не промелькнул в её голове. Конечно, да. Она это заслужила. Взяв из витринного шкафа бокал, Катерина откупорила бутылку.

Катерина не была великим знатоком вин. Но отличить качественный продукт вполне могла. Она прекрасно знала, что мерло вместе с сортами Каберне Совиньон и Каберне Фран составляет так называемый бордоский бленд, и это, пожалуй, одно из самых популярных красных вин.

Катя сделала глоток. Вкус был округлый, женственный, мягкий. Многие считают мерло слишком бесхарактерным. Но это не так. Просто у этого сорта, если можно так выразиться, все острые углы сглажены. Мерло может быть плохим: водянистым, забродившим бабушкиным вареньем позапрошлого урожая. Но это было абсолютно другое –

насыщенное, но не резкое. Мерло поражало соблазнительным ароматом. Спелость и шелковистость его послевкусия восхитили Катю. Хотелось пить, не останавливаясь. Во вкусе чувствовались фруктовые нотки. Катерина провожала солнце и думала, как это здорово – спонтанно уехать. Решиться в один момент, купить билет и сдвинуть привычный ход событий. Она бы сейчас могла сидеть в душном кабинете, напрягаться по мелочам, решать бесконечный поток вопросов. А она смотрит на эту природу, пьёт удивительное вино и может позволить себе просто мечтать, думать о том, чему суждено и не суждено сбыться.

Чудесный дом. Ей виделось, как она живёт здесь с семьей. Утром они непременно завтракают за этим деревянным столом, мажут маслом свежий, ещё горячий хлеб, пьют кофе и чай с экологически чистым молоком. Да и сыр здесь тоже особенный. Точно, они едят хлеб с сыром, обсуждают планы на предстоящий день, смеются. Дети периодически что-то проливают, роняют, просыпают. И этот утренний хаос задаёт позитивный тон. Она попыталась представить мужчину, сидящего за этим столом. Какой он? Сколько ему лет? Чем он занимается? Катя напрягла фантазию до боли в висках. Но ничего не получалось. Образ был смутный и шёл только в комплекте со всем остальным антуражем. И сколько Катя ни старалась прорисовать героя, это не выходило. Надо! Надо заставить себя сформировать в сознании образ этого человека. Тогда, именно тогда он её найдёт.

За окном практически стемнело, Катя зажгла свет. От представления завтрака захотелось есть. Найдя пачку риса, Катерина отварила его, поела и почувствовала негу в теле. Надо лечь спать. Выспаться, а завтра решить вопрос с едой, при таком количестве вкусностей, какими богат этот край, ужинать так аскетично просто преступно.

Вино успокоило нервы и подарило умиротворение. Опустошив половину бутылки, Катя словила забытое состояние неспешной жизни. Как хочется жить в таком уголке, ходить утром за фермерскими продуктами, пить вечером прекрасное вино и вдыхать горный воздух, наполняя лёгкие опьяняющим чистотой кислородом.

***

Мерло (Merlot) – один из девяти международных сортов и второй по распространённости в мире красный винодельческий сорт винограда. Вино из него есть в каждой стране, заявляющей о своих амбициях в виноделии.

Мерло родом из Бордо. Его название переводится с окситанского (старого языка юга Франции) как «молодой чёрный дрозд» – может, из-за красивого иссиня-чёрного цвета лозы, а может – из-за любви этих птиц полакомиться ягодами.

Во Франции мерло входит в тройку красных сортов с самой большой площадью виноградников (сравнивая с сортами гренаш и кариньян). А на своей родине в Бордо наряду с сортами Каберне Совиньон и Каберне Фран составляет так называемый «бордоский купаж» – классическую смесь из трёх сортов, наиболее распространённую при производстве «кларетов», красных сухих вин Бордо (и вин, которые повторяют стилистику классического Бордо: клареты Испании, Новой Зеландии, Германии). Термин «бордоский купаж» исключительно литературный и справочный, на этикетках он не встречается.

Исследования генетики мерло говорят о его близком родстве с сортами Каберне Фран и Каберне Совиньон. Карменер, исторически являющийся частью «расширенного состава» бордоского бленда, тоже является близким родственником мерло и долгое время принимался за него многими виноделами Чили.

Мерло испытал взлёт популярности в 1990-х, когда потребители вдруг открыли для себя возможность насладиться букетом, не уступающим каберне, в вине с гораздо меньшей танинностью и заметно более мягким вкусом.

МАТРАСА

Всё не ладилось. С утра ничего не ладилось. Сначала он забыл паспорт в другом пиджаке, затем долго ждал такси. Потом это такси собрало все возможные пробки. У него и так болела голова уже неделю. Вчера он отпустил водителя, чтобы совсем переключиться от рабочих моментов. Но, видимо, зря. Петрович довёз бы быстрее. Нервы. Нет сил. Совсем нет сил. Он выбит из привычной жизненной системы. Кто бы мог подумать, что он может так потеряться... В свои пятьдесят он умел держать себя в руках. А сейчас, как брошенный щенок, он мечется на дороге жизни и никак не может определиться, как жить дальше, как выстроить то, что сломалось, заново. И с каждым днём кажется, что ничего уже и не склеишь.

– Я поживу года два в нашем доме в Сан-Ремо. Пока я не готова думать, как быть дальше. Пока я хочу свободы, – Лика уверенно складывала вещи в чемодан.

– Дети? – спросил он в ответ.

– Дети поедут со мной. Они знают язык. Разберёмся со школой на месте.

– Это несерьёзно, – попытался он возразить.

– Несерьёзно? Несерьёзно так жить.

– Как так?

– Не видя друг друга. Тебя вечно нет рядом. До меня долетают весточки о твоих похождениях. Звонки, фото, смс. Десять лет как долетают. И я больше не хочу это терпеть... – Лика закипала.

– Ты преувеличиваешь, – он хотел обнять её, но Лика оттолкнула его.

Она была так же красива, как и пятнадцать лет назад, когда они познакомились. Стройные длинные ноги, тонкая талия. Со спины можно было подумать, что Лика – подросток. Она умела держать себя в форме, и даже две беременности не испортили природных данных. Где надломилась та тонкая соломинка, связывающая их жизни?

– Лика, ты торопишься. Я любил, люблю и буду любить только тебя. Была пара историй за всё время. По глупости. Прости, – Юсиф попытался успокоить жену.

– Не хочу ничего слышать. Сколько раз я уже возвращалась? Сколько? – Лика вопросительно и пристально посмотрела ему в глаза.

– Много. Согласен. Но это потому, что мы не можем друг без друга.

– Можем. Я во всяком случае без тебя могу. Дом в Италии – имущество, совместно нажитое. И запретить мне там жить ты не можешь. А у меня вполне получится руководить дизайнерским бюро оттуда. Работа поставлена, – Лика говорила так, словно она многократно всё обдумывала, проигрывала, переосмысляла.

– У нас дети. Им будет трудно.

– Юсиф, пожалуйста, не спекулируй детьми. Не надо. Это пошло. Ты видишь их раз в неделю. И тебе всегда этого хватало...

– Я люблю тебя, – Юсиф попытался. Бог видит, он попытался что-то изменить. Но было бесполезно.

Лика была права. И она всё делала правильно. Красивые слова, признания, озвученные им – лишь способ не менять ничего, не ломать традиционный уклад. Юсиф очень боялся перемен, пересудов, объяснений

друзьям, перешёптываний за спиной. А Лика поступает так, как надо и логично поступить. Брак давно уже не тот, что был даже пять назад. Они с Ликой больше соседи, нежели любовники. У каждого из них своя жизнь, интересы, беды и радости. И самое главное, они редко обсуждают их друг с другом.

Больно было всё заканчивать. Полтора десятка лет вместе – не один день. Милана и Анар – их дорогие дети, которые точно не виноваты в том, что родители перегорели, остыли и больше не нужны друг другу. Он помнит их рождение, первые шаги и слова. Помнит радость, первые болезни детей и их с Ликой сплочённость. Он всё помнит. Но почему-то не может связать это со своим будущим. Он осознал это после слов Лики, что они смогут друг без друга. Да, надо пережить. Надо просто пережить.

Первые дни в пустой квартире дались с трудом. Сначала он ничего не менял. Работал, ужинал с друзьями. Но ночь... Противная ночь! Приход домой, где тебя никто не ждёт. Это оказалось мучительно. Лика забрала даже джека-рассела по кличке Боня. И дом вообще затих. Мёртвым обиженным молчанием. Эти стены не могли простить такого. Ни детского смеха, ни семейных ужинов, ни лая собаки, ни дружеских возгласов. Ни-че-го... Только тишина.

В одну из таких ночей... Точно, это была шестая ночь, после того как Лика с детьми покинула дом. Он пришёл в половине второго. Попытался заснуть, но никак не получалось. Он включил телевизор, не нашёл ничего толкового, выключил. Открыл в телефоне джазовую подборку. Достал из бара бутылку Матраса. Налил себе бокал, оставил включённым из света только торшер. И стал вспоминать. Вспоминать, как всё было раньше.

Анару было три, они ждали Милану. Лежали на диване, завернувшись в плед.

- Ты – моё счастье, – говорил он Лике.
- Как мы назовём дочь? – спросила она, поглаживая живот.
- Даже не знаю. Давай как-нибудь символично.

– Нет, ты не можешь просто назвать ребёнка... – смеясь, сказала Лика.

– Где мы познакомились?

– Ты не помнишь? – Лика удивлённо подняла брови.

– Помню. Просто хотел, чтобы ты ещё раз рассказала эту историю.

– О, да. Слушай. Я заходила в Музей Москвы. На мне было приталенное чёрное платье и красные лодочки. Ты проезжал мимо и не смог проигнорировать столь красивые туфли на столь длинных ногах... – Лика заразительно засмеялась.

– Да, имён в этой истории не проглядывается. Москвой же не назовём. О! Зато я помню наше первое романтическое путешествие. По Италии. Рим, Милан, Венеция. Как мы катались с поющим гондольером. И, кажется, я придумал имя дочери...

– И? – Лика была заинтригована.

– Милана. Как тебе? Милана Курбанова. Звучит же?

– Да, мне нравится, – Лика нежно поцеловала его в щёку.

Приятные воспоминания грели душу, вино согревало изнутри. Когда он первый раз изменил Лике? И зачем? Это была весна. Командировка в Стамбул. Яркая, эффектная переводчица Тина. Манящий Босфор, романтика. Они катались по городу, болтали, пили вино, гуляли. И завершили день в одном гостиничном номере. Жаркая ночь, новизна, гормоны, страсть. Когда он вернулся, Лика вела себя странно, словно что-то чувствовала. Она придиралась к мелочам, обижалась. А он не обращал внимания. Надо было тогда всё залечить, исправить, уделить Лике и детям больше внимания. Но Юсиф был весь в работе, в процессе достижения целей, в ореоле популярности и влияния. Некогда ему было думать о семье. Она казалась ему стабильной, непоколебимой и поэтому не требующей пристального внимания. А Лике и детям этого внимания как раз не хватало. Не хватало заботы, совместных выходных, поездок. Идиот. Какой же он был идиот!

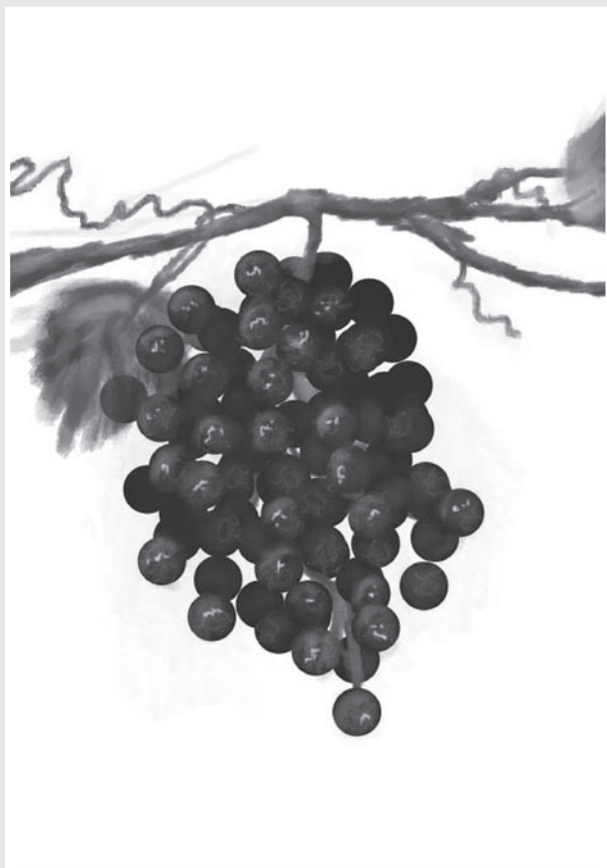
Лике всего тридцать семь, и она однозначно будет счастлива. А он? Юсиф понял, что сначала надо понять, что он считает счастьем. Третий

бокал вина не помогал найти определение. Ванильное послевкусие добавляло меланхолии. Матраса – один из лучших аборигенных азербайджанских винных сортов винограда. И Юсиф любит именно этот вкус, сколько бы ни было выпито отличных итальянских, французских, испанских, чилийских вин. В предпочтениях Юсиф оставался верен хорошему азербайджанскому вину.

В Азербайджане вино долгое время использовалось в лечебных и профилактических целях. Согласно археологическим раскопкам, вино на родине Юсифа производилось с античных времён. Геродот, Страбон, Колумелла в своих работах прославляли превосходное виноградное азербайджанское вино.

Учёными на этой земле были обнаружены древние сосуды для виноделия и прессы, с помощью которых древние виноградари выдавливали сок из винограда. Юсиф увлекался историей вин и виноделен. Ему казался волшебным этот процесс превращения винограда в вино. Он много читал о фактах и легендах этого искусства. Его искренне удивляло, что, например, вблизи памятника архитектуры V века до н.э. района Шомутепе были обнаружены семена культурного винограда. Его выращивали на территории Апшеронского полуострова. Большинство сортов азербайджанского винограда было получено путём скрещивания культуривуемых и диких сортов винограда. Сорта Аг Шаны, Хиндогны, Матраса, Баян Шира обрели свою популярность в XIX веке.

В начале XIX века в Азербайджане начали выращивать виноградники, где произрастало более 400 сортов винограда, как для вина, так и для производства более крепких алкогольных напитков, например, коньяка. В 1860 году начал работу первый завод по производству вина на 150 тысяч литров. И уже в конце столетия заработали первые предприятия по производству коньяка. Эти напитки экспортировались по многим странам. После активного периода роста и развития наступил спад виноделия в связи с введением «сухого закона». Для Азербайджана это был сильный удар, уничтожались винные плантации, закрывались заводы. Азербайджанская винная отрасль развалилась. В XX веке вновь

возродили виноделие на этой земле, были высажены новые европейские сорта винограда.

Юсиф продолжал смаковать Матраса. В голове одно за другим всплывали воспоминания. Любил ли он Лику? Да, однозначно. Но любовь, которую он не поливал вниманием, словно завяла. Умерла, так и не дождавшись от него действий по сохранению. Он сам убил то, что создавал пятнадцать лет назад. Ностальгия. Боль. Алкоголь растворялся в крови. Юсиф думал о детях, о том, что, скорее всего, они редко будут с ним видаться, потому что так устроен мир. Женщины остаются с детьми, мужчины начинают всё с чистого листа. Конечно, они будут поддерживать отношения. Но делать это на расстоянии нескольких тысяч километров непросто. Горько. Грустно осознавать эту неизбежность. В ту ночь, он даже не запомнил, как уснул. Ему снилось море, голубое небо с воздушными облаками над ним. Он плыл энергично, со всей силой, рассекая воду. Вода была чистая, прозрачная. Там, во сне, Юсиф плыл, сам не зная куда. Было мощное течение, он раздвигал воду руками, словно стремился к какой-то цели. Он плыл далеко от берега. Не уставая, не останавливаясь, испытывая свой организм на прочность. Вода была прохладная, а небо притягательно голубое. Юсиф чувствовал себя свободным. Свободным и счастливым. Никогда в жизни ему не было так хорошо, как в этой морской стихии.

Утром было тяжёлое похмелье. И он не раз за утро вспоминал морские просторы сна и свою лёгкость там. Вчера было выпито две с половиной бутылки вина без грамма закуски. Заваривая крепкий кофе, глотая таблетки от головной боли, он отдал бы миллионы, чтобы вернуться в эйфорию, подаренную Морфеем. Кофе горячими и терпкими глотками падал по пищеводу, возвращая его к жизни. Почему-то, несмотря на физическое состояние, душе было немного, но легче. Юсиф не хотел ехать в офис. Совсем не хотел. Не было желания решать вопросы, погружаться в проблемы. Отменив назначенные встречи, он позвонил в Баку Вугару.

– Как жизнь? Как дела? Как я рад тебя слышать! – услышал он бодрый ответ друга в трубке.

-
- Вот хочу прилететь. Устал. Хочу к вам, к солнцу и оптимизму.
  - Это точно. У нас этого хватает. Прилетай! – по-бакински гостеприимный Вугар был рад предстоящей встрече.
  - Ты как завтра? Сильно загружен? – спросил Юсиф.
  - Для тебя я всегда свободен. Разберёмся. Жду тебя. Ты во сколько планируешь приземлиться?
  - Я пока не брал билет, но думаю, что прилечу в районе обеда.
  - Отлично. Как раз и отметим твой приезд вкусным обедом.
  - В Баку бывают невкусные обеды? – с сарказмом заметил Юсиф.
  - Нет. Конечно, нет. Всё, друг. Пока. До завтра.

Юсиф с улыбкой положил телефон на стол. Баку – его родина, город, которому сложно найти замену. Он любил солнечные бакинские дворы, где, так же, как и двадцать-тридцать лет назад, на верёвках могло сушиться бельё. Он видел такое красиво развевающееся бельё ещё в Неаполе. Наверное, поэтому ему нравится Италия. Там так же ярко, солнечно и вкусно. Но всё равно в Баку лучше. Лучше, однозначно. Воздух в Баку особенный. Люди открытые. Особенно это начинаешь понимать в Москве, где часто пасмурно и все чересчур серьёзные и напряжённые. В Баку можно без приглашения прийти в гости. Вечером – не сидеть дома, а прогуливаться, ужинать в весёлой компании. В Баку умеют наслаждаться жизнью, смаковать её, а не терпеть. На волне светлого предвкушения Юсиф купил билет.

Такси собрало все пробки. Утро не ладилось. Голова болела. Разгон нервной системы был как у гоночного болида. Юсиф начал переживать, что опоздает на самолёт. Протягивая посадочный талон последним, он выдохнул. И спокойно уснул, поднявшись ввысь. Ему опять снилось море. Синее глубокое море. Море, которое всё забывает, отпускает, обнуляет, заливают густой водой, давая возможность начать жизнь заново, с облегчением. Можно ли потерять то, что строил полтора десятка лет? Наверное, можно, если от этого всем будет лучше. Нельзя жить в черновике. Нельзя. Это не нужно никому. Ни Лике. Ни детям, наблюдающим за отчуждённостью родителей. Ни ему самому.

Море плескалось. Властно, ритмично, степенно. Во сне Юсифа было точно его родное Каспийское море. Море, которое он видел с детства. Оно выслушивало его юношеские мысли и философские суждения, подслушивало первые любовные признания, напоминало о родителях, которых у Юсифа больше не было. Море, которое всегда напоминало о вечном. И по сравнению с ним, всё мельчало и теряло значение. Море. Каспийское море. Синяя вечность. Ему снова снилось море. Он плыл упорно, не сбавляя темпа, не думая ни о чём. Только о море, которое точно его спасёт. Оно всё исправит. Вода чувствовалась каждой частичкой тела. Волны поднимали его, но не топили, не смывали. Они поддерживали его. Эта поддержка Каспия на уровне глубоких мыслей, подсознания говорила ему: «Всё станет лучше. Всё, точно, к лучшему. И это лучшее наступит завтра».

Самолёт приземлился вовремя. Вугар радостно махал ему рукой. Хорошо, что есть друзья. Их душевность и внимание спасают в трудных жизненных ситуациях. Обнявшись по-приятельски, они сели в машину.

– Обедать? – без лишних слов спросил Вугар.

– Да, я уже успел проголодаться. В самолёте заснул, не перекусил. Как сам?

– Как всегда, много работы и забот. Но я счастлив, что ты приехал. Хотя бы немного переключусь.

У Вугара был серьёзный мебельный бизнес. Собственные заводы в турецкой Бурсе и Китае, сеть магазинов в Азербайджане. Они дружили с ним с детства. Знали сильные и слабые стороны друг друга. Вугар был примерным семьянином: у него были двое сыновей и дочь, жена Наргиз – чудесная, симпатичная, гостеприимная брюнетка. В целом, его жизнь складывалась удачно и счастливо. Но Вугар, как человек вспыльчивый и импульсивный, всегда был чем-то недоволен.

– Вот, смотри, организовали сегодня велопробег. Понимаешь, велопробег в центре города. Перекрыли движение. И мы теперь будем стоять в пробке.

– Ладно тебе, не горячись. Ничего страшного. Поболтаем в машине. Столько времени не виделись.

– Нет, я не могу. Надо как-то учитывать интересы людей.

– Слушай, хорошее дело. Целое событие – велопробег. Пропаганда здорового образа жизни опять же. А то молодёжь дымит без передышки. В Москве уже столько не курят.

– Да, вот я никак не брошу, – Вугар тяжело вздохнул, – хотя в мои годы пора задуматься о здоровье.

– Я бросил. Компенсирую вином. Хорошим бокалом прекрасного красного.

– Тоже вариант. Как Лика? – Вугар перешёл на другую тему.

– Лика собрала вещи и ушла.

– Как ушла? Куда? – Вугар удивлённо посмотрел на Юсифа.

– От меня ушла. Вроде просто, а не к кому-то. Сказала, что устала от наших отношений. От моего поведения. Забрала детей и пока решила пожить в Италии.

– Ничего себе, – цокая языком, произнёс Вугар. – И как ты?

– Я? Уже нормально. Было не очень. Но всё равно весьма тоскливо. Да, ты знаешь, я вёл себя не всегда верно. Да, я порой обижал Лику. Но мы же семья. Милана, Анар... Я пока с трудом представляю, как мне жить дальше.

– Обалдеть. С ума сойти. Ты и Лика... Может, вернётся, – Вугар с надеждой посмотрел в глаза Юсифа.

– Думаю, нет, если быть честным. В последнее время было не очень. Тяжело, нервно. И после последних размышлений я думаю, может, это и к лучшему. Любовь была. Да. Но сейчас уже больше привычка. И Лике не хочется так жить. Да и мне, наверное, тоже. Дети со временем поймут нас.

– Не знаю... Мы здесь ещё смотрим по-другому. Хотя всё реже можно спасти семью в желании развестись. Даже молодые стали разводиться. Родители разговаривают, убеждают. Но женщины стали другими. Как раньше они уже не закрывают глаза на измену. Жёны хотят, чтобы они были на равных с мужем. А наш восточный мужчина не всегда так может. Конфликт. Вырисовывается нерешаемый конфликт.

– Ты знаешь, Вугар, я Лике всегда давал свободу. Уважал её решения, работу, интересы.

– Да, но и сам при этом злоупотреблял свободой, – Вугар произнёс это с осуждением. Он был явно огорчён разводом.

– Ты о Светлане? Мне кажется, кстати, она позвонила Лике. И это её добило, – Юсиф отвернулся к окну. Он чувствовал вину.

– И о Ланочке твоей тоже. Абсолютно никчёмная барышня. Красивая, только и всего.

– Ты всего не знаешь... – почти шёпотом сказал Юсиф.

Юсиф ни с кем не делился этой историей. С Ланой, так она сама предпочитала себя называть, они познакомились в клубе в один из пятничных вечеров, когда он и его друзья решили культурно и весело завершить неделю. Лана была красивая, высокая, с платиновыми волосами, огромной грудью на стройном теле. Это потом он узнал, что роскошный бюст – плод работы пластических хирургов. Но тогда он попался на эффектную внешность и пустился во все тяжкие. Они прекрасно зависали вечерами в ресторанах. Продолжали программу у Ланы или в загородных отелях. Лике всегда можно было сказать, что уезжаешь в командировку и подарить себе пару-тройку дней в объятиях Ланы. Говорить, впрочем, с ней было не о чем. Так, о природе, о погоде, о машинах... Но секс! За столь качественный секс можно было платить новой шубкой, телефоном, отдыхом в Испании для Ланы и её подруги. Эти отношения бодрили Юсифа, добавляли баллы к самооценке, радовали сменой обстановки и вниманием юной Ланы. Он втянулся в эту страсть. И два года прекрасно дневал и ночевал в объятиях Светланы, так её звали по паспорту. Пока однажды Лана не позвонила со словами:

– Мне надо с тобой поговорить. Поехали в Большой, – разговор, конечно, был не о театре, а о находящемся неподалёку от него ресторане.

– Давай в четыре. За тобой водителя отправить?

– Я сама. До встречи.

Они заказали салат, горячее. Лана закручивала край текстильной

салфетки.

– Милый, ты знаешь, – Лана сделала паузу, – я беременна.

– Как? Мы же предохранялись, – Юсиф произнёс, наверное, не совсем то, что ожидала Лана.

– Ну, разное бывает. Помнишь, поездку в гольф-клуб. Там мы немного выпили, расслабились...

– Ладно, – перебил её Юсиф, – сколько нужно денег на аборт? Выбери лучшую клинику, я оплачу.

– Как – аборт? Это же наш ребёночек! Я, например, очень хочу от тебя ребёнка. Ты же тогда уйдёшь к нам.

– С чего ты это взяла? Не собираюсь я никуда уходить. Меня и дома неплохо кормят, – с ухмылкой сказал Юсиф. – Заканчивай этот спектакль. Ребёнок не нужен. Ни тебе, ни мне. Звони в клинику и готовься к аборту. Рожать мы никого не будем.

На глазах Ланы появились слёзы. Обычно она не плакала. Берегла нарощенные ресницы, линзы. Но сейчас она ревела. И Юсифу было неловко сидеть с плачущей дамой посреди ресторана. В этот момент он чётко осознал, что, кроме физического влечения, он к Лане ничего не чувствует. Вообще ничего. И ему всё равно на все её терзания, слёзы, истерики.

– Лана, прекращай. Не надо публичных выступлений. Ты сама готова к рождению ребёнка? – серьёзно спросил он Светлану.

– Я буду хорошей матерью! – сказала она, всхлипывая. – Ты сомневаешься?

– Мне кажется, что ты и материнство обитаешь далеко друг от друга.

– Ты жестокий. Жестокий! Как хочешь. А ребёнка я всё равно рожу.

– Если ты рассчитываешь на моё пожизненное содержание, то ты глупо ошибаешься. Надо вообще для начала понять, мой ли это ребёнок, – Юсиф был категоричен, включив свою коронную деловую хватку.

– В этом уж не сомневайся, – обиженно ответила Лана.

В этот момент она выглядела жалкой. Юной идиоткой, нарушившей правила игры. Юсифу казалось, что Лана понимала, на что шла. Секс,

поездки, подарки – вот её формат. Дети, семья, любовь – абсолютно другое дело. Он никогда бы не женился на такой женщине. В тот момент Лана стала ему противна. Он даже стал противен сам себе. Может быть, это ужасно, но и этот ребёнок стал ему противен.

– Лана, мне пора, – он положил на стол деньги. – Расплатишься. И не делай глупостей.

Спустя пару дней с утра в своей приёмной он опять встретил Лану.

– Заходи, 5 минут, не больше.

– Мне нужны деньги. На программу ведения беременности в Лапино.

– Иди зарабатывай. Я был готов финансировать только прерывание беременности. Тратить деньги на премиальное сопровождение твоей прихоти я не буду, – Юсиф закипел.

– Это и твой ребёнок тоже. Хочешь, делай ДНК-экспертизу, – Лана изящно и демонстративно смахнула слезу.

– И не подумаю. Не располагаю временем.

– Я буду рожать. Точка. И ты так просто не отвертись.

Юсиф начинал ненавидеть Лану. Ему мечталось, чтобы она вышла за дверь и больше не возвращалась в его жизнь. В то же время он понимал, что просто так он не отделается, и она будет ежедневно поджидать его в приёмной.

– Сколько стоит твоя программа?

Лана озвучила красивую сумму с пятью нулями.

– Давай так. Я даю тебе эту сумму, и ты больше меня не трогаешь. Никогда.

– Хорошо, – Лана была готова к компромиссу, боясь остаться у разбитого корыта.

Он понимал, что ребёнок может стать вечным предметом шантажа. Но в тот день он очень хотел отделаться от Ланы. Спустя восемь месяцев родилась девочка, одного взгляда на которую хватало, чтобы убедиться в отцовстве Юсифа. Но только Юсиф ничего к этой девочке не чувствовал. Родив, Лана снова пришла за деньгами на вещи, няню, проживание в декрете. Она толком никогда не работала. Модель, фитнес-инструк-

тор, блогер. Доходы были эпизодическими. Основу её бюджета всегда обеспечивали любовники. А теперь она отстаивала своё материнское право находиться рядом с малышом и получать премиум-пособие.

В июне девочке по имени Аврора исполнился год. Так назвать малышку могла только Лана, считал Юсиф, но своё мнение не выражал, исключая любое проявление собственного интереса к ребёнку. Шантаж усиливался с каждым днём. Аппетиты росли. Деньги на косметолога, новая машина, центр развития ребёнка... Терпение Юсифа заканчивалось. Он видел в социальных сетях, как Лана проводит время: мужчины, декольтированные платья, курорты. Ребёнок в ленте появлялся редко. И он сомневался, что фото делала сама Лана. Она не раз намекала ему, что позвонит Лике, даст интервью скандальным телепрограммам, если Юсиф откажется её содержать.

– Слушай. Я не готов дать тебе полтора миллиона. У меня нет таких свободных денег. Тебе не нужна новая квартира. И давать на неё деньги я не буду, – сказал он Лане в очередной её визит.

– Это копейки. Поменять однушку на двушку в Москве стоило бы тебе значительно дороже. Повезло, что я, то есть я и Аврора живём в Подмосковье, – Лана потеряла остатки совести.

– Лана, нет. И ещё раз нет. Однозначно. Я хочу тебя предупредить, давно собирался. Бог с тобой, я буду давать алименты на содержание девочки. В том скромном размере, чтобы хватило на жизнь, не роскошную, как ты любишь, а среднестатистическую.

– Это твоя дочь...

– Не перебивай меня, – остановил он Лану, – если ты продолжишь меня шантажировать, я найму адвоката и буду отстаивать право на паритетное финансирование содержания ребёнка. Или...

– Или ты заберёшь ребёнка?

– Я этого не говорил.

– Может, тебе её правда забрать? – Лана удивляла его своей наглостью.

– Зачем мне твоя дочь? Во-первых, я её не люблю. Во-вторых, к Лике я её не принесу. Это чужь!

– Тогда давай полтора миллиона, – Лана улыбнулось неестественной улыбкой.

– Нет. Пошла вон! Вышла из моего кабинета! – Юсиф потерял самообладание.

Сердце стучало. В висках пульсировала кровь. Эта связь убивала его. Он ненавидел эту девицу. И осуждал себя в прошлом. Как он мог с ней связаться?

Он продолжал, конечно, перечислять пособие. И Лана пока не тревожила его большими запросами.

– Но она временно затихла? – произнёс Вугар, когда они распили бутылку вина в ресторане, мучительно миновав пробки. – Вот увидишь, это не последняя её просьба.

– Думаешь, она всё-таки позвонила Лике?

– Уверен, друг. Без сомнений. Другого объяснения её быстрому сбору в Италию я найти не могу, – объяснил Вугар.

– Сволочь, – прошипел Юсиф.

– Ну, это рефлексия. В любом случае Лике это надо пережить. И пусть она переживает это на Средиземноморье, а не в осенней Москве.

– Вернётся? – спросил Юсиф.

– Ты сначала реши, нужно ли вам всё возобновлять. У меня сложилось впечатление, что тебе тоже нужны перемены. Ты выдохся, устал и состарился, – Вугар рассмеялся, и обстановка разрядилась.

– Так уж и состарился?

– Нет, конечно. Но выглядишь плохо. Взъерошенный и грустный. Потерянный, я бы сказал.

Они решили прогуляться. Поехали на бульвар. Вечер окутывал город. Было тепло и размеренно. Юсифу всегда было необыкновенно уютно в Баку. Будто он возвращался к себе прежнему, к своей молодости. Где он сам другой, наполненный верой в будущее, в свои мечты, в любовь наконец. Сейчас ему уже казалось, что он разучился любить, потерял способность испытывать это чувство. Доброта, жившая много лет назад в его сердце, потерялась. Нет, это не Лана убила в нём всё доброе. Всё

случилось раньше. Годы работы чиновником, потом собственный бизнес. Жизнь требовала от него холодных и волевых решений. Семья стала фоном. Привычной составляющей повседневного быта. Он перестал ценить то, что имеет. Сейчас, на контрасте, он осознал, как много потерял. Сколь многого ему не хватает теперь. Детского смеха, семейных завтраков. Но Вугар прав. Юсиф не знал, готов ли он дальше жить в режиме привычки и обрекать на такую жизнь Лику. Скорее всего, нет. Но и к новым отношениям он тоже не мог приступить. Внутри вечная мерзлота. Холод, от которого так трудно избавиться.

– Чайку? – словно читая его мысли, спросил Вугар.

– Да, пожалуй, – Юсиф подумал, что хорошо быть с друзьями.

– Не переживай. Всё рано или поздно встанет на круги своя. Так устроена жизнь.

– Мне так невыносимо внутри. Словно сжалось всё. Не по-мужски жаловаться на жизнь. Но я решил прилететь, чтобы немного прийти в себя.

Они присели в одном из кафе с видом на Каспий. Чай с чабрецом, лимон, сахар. Здесь, в Баку, самый вкусный чай. Особенно рядом с море.

– Тебе надо немного переключиться. Хочешь, поживи у нас с Наргиз.

– Нет, не хочу. Зачем вас стеснять? – ответил Юсиф.

– У нас дом в пятьсот квадратов. Ты нас не стеснишь.

– Нет, точно нет. Я нуждаюсь в одиночестве. Может, мне надо дойти до самого края собственной грусти, чтобы возродиться, – предположил Юсиф.

– Слушай. У нас есть дом в Исмаиллы. Это чудесное место. Езжай. Подышишь свежим воздухом, погуляешь, побудешь вдалеке от общественных глаз. Обдумаешь всё ещё раз за бокальчиком вина, – Вугар кивнул Юсифу.

– Я даже не знаю... На неделю, наверное, можно застрять в вашей деревне.

– Хорошо. Тогда поедем домой. Наргиз надо поприветствовать. Она знает о твоём приезде. Отдохнешь, соберёшься и завтра рванёшь.

Дома у Вугара было тепло и вкусно. Наргиз испекла сладких булочек к чаю. Несмотря на наличие помощницы, жена Вугара любила проводить время на кухне и радовать близких выпечкой. Юсиф даже немного впал в ностальгию по семье, по прошлому, по таким вечерам. Но в его голове уже прочно засела мысль: в той форме, в которой было раньше, этого уже не будет никогда. Его успокаивали красивые фото из Италии, которыми Лика делилась в социальных сетях. Тоски на её лице не прослеживалось, или же она умело её скрывала. Юсиф не знал. Но и она и дети производили впечатление гармонично живущих и отдыхающих людей. Что ещё раз подтверждало его вывод, последовавший после долгих и мучительных раздумий: их брак с Ликой исчерпал себя. Может быть, это не по-христиански, не по-мусульмански, вообще вопреки всем вековым устоям и канонам. Но ниточка разорвалась. Эмоциональная связь нарушилась. Вполне возможно, виною этому измены Юсифа. Но что было, то было. И повернуть время вспять уже невозможно. Жизнь продолжается.

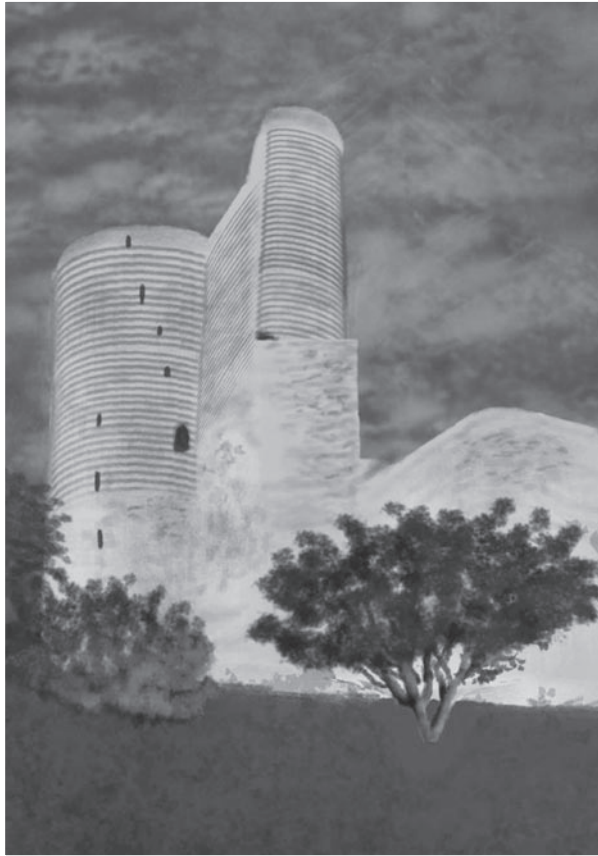
В гостях у Вугара ему даже удалось неплохо выспаться. Ничего не снилось. Он крепко заснул, открыв окно, и проснулся часов в десять. Вугар не уехал на работу, дождался его. Они позавтракали вместе с Наргиз. Как же вкусно она готовит! Лучше всяких ресторанов. Яичница с помидорами, свежий лаваш, творог, сыр, крепкий чай. Что ещё нужно для гастрономического счастья позднего завтрака?

– Вот ключи, – Вугар протянул Юсифу связку, – адрес пришлю тебе сообщением. Думаю, неделю надо точно пожить. Там очень спокойно. Рядом с нашим домом вообще никто не живёт.

– Отключись от забот. Природа там располагает к этому, – добавила Наргиз.

– Как говорится, дорогие мои, от себя не убежишь. Но я буду очень стараться бежать дальше от дурных мыслей. Вы почему сами редко там отдыхаете?

– Вугару вечно некогда. У детей – учёба. А я к ним привязана. Но честно? Иногда хочется взять и всё бросит, пожить там месяц. Но кто ж

мне даст? – кивнула она в сторону Вугара.

– Да, ты нам нужна тут. Мы без твоих плюшек не проживём. И без внимания – тоже, – Вугар приобнял жену.

– Вы без меня просто пропадёте, – рассмеялась Наргиз.

– Я вызвал водителя, ехать несколько часов. Вздремнёшь. Полюбишься пейзажами за окном.

– Не волнуйтесь за меня. Я взрослый мальчик. Тем более чувствую я себя значительно лучше, чем вчера.

– И морально тоже? – уточнил Вугар.

– И морально, – подтвердил Юсиф. – Вугар, у тебя прекрасная семья. Наргиз – какая красавица! Береги её. Я за один день душой отдохнул.

– Знай, мы всегда ждём тебя в нашем доме, – сказала Наргиз.

Юсиф даже не распаковывал вчера чемодан, и сборы прошли быстро. Он сел в машину. Баку! В окне мелькали проспекты и улочки. Всё было родным и дорогим сердцу. Он вспоминал детство, как они гуляли с родителями по набережной. Как всё казалось возможным. И всё было впереди. Во что он тогда верил? В успех, в космос, в себя, в свои достижения, в поступление в МГУ. В любовь, конечно. Ему было пятнадцать. Он шёл с родителями и сестрой. Была чудесная погода. Весна, май. Баку цвёл чудесной зеленью поздней, тёплой и магической весны. Ему нравилась девочка из параллельного класса. Нармина. Стройная, строгая отличница, интроверт. В тот день он думал о ней. И эти мысли наполняли его весну волшебством. Она была настолько неприступна, практически ни с кем не общалась. Её холод был таинственным. И именно этим она зацепила Юсифа. Той весной он витал в облаках. Мир казался прекрасным и удивительным, открытым ему всеми своими многочисленными гранями.

– Сын, что ты знаешь о любви? – видя его одухотворенность, спросил отец.

– Ну... Я люблю тебя, маму... – сказал тогда Юсиф.

– Нет, я о другой любви. О любви между мужчиной и женщиной, – разъяснил отец.

– Мужчина влюбляется в женщину. Женится на ней. У них рождаются дети...

– Это понятно. Что лучше – любить или быть любимым? – задал сложный вопрос папа.

– Пап, конечно, быть любимым, – поспешил с ответом Юсиф.

– Хорошо подумай.

И тут Юсиф вспомнил Нармину и как приятно становится в его животе, когда он о ней думает, как щекотно внутри.

– Я передумал. Наверное, всё-таки любить самому.

– Ты близок к истине, мой друг. Любить – само по себе большое счастье. А любить взаимно – подарок небес. К сожалению, не все это ценят.

– Я ценю. Честно. Ценю то, что ты вы с мамой есть у меня.

– Мы тебя тоже очень любим. И уважаем. И ценим. Мне искренне хочется, чтобы в твоей жизни случилась настоящая любовь, которую захотелось бы беречь. От чужих глаз, от несчастий, бед, недопонимания. Знаешь, любовь – это не только большое чудо, это и работа, сынок.

– Как это – работа? – не понял Юсиф.

– Охранять её, любовь – это сложная и кропотливая работа. В жизни слишком много испытаний, соблазнов. И лишь те, кто научатся любить и оберегать это чувство, выживут в море зависти, лжи и поисков лучшего.

Как тогда был прав отец! И всю глубину тех слов Юсиф, видимо, понял только сейчас. Они с Ликой не сберегли то, что было дано им в начале. Растеряли, растранижирили своё богатство – семейное счастье. Остаётся верить, что любовь приходит не один раз. И каждый из них имеет шанс обрести её снова и начать всё сначала. Городские бакинские пейзажи сменились совершенно другой местностью. Дорога в Исмаиллы удивляла картинными пейзажами, зеленью, горами, свободой. Захотелось открыть окно машины и выкрикнуть что-то несомненно оптимистичное.

– Всё будет хорошо, – произнёс Юсиф шёпотом в противовес своим мыслям. И, кажется, сам поверил в сказанное.

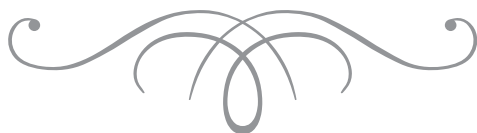

***

Матраса – один из лучших аборигенных азербайджанских винных сортов винограда, относится к эколого-географической группе восточных сортов. Нашёл распространение в Дагестане и республиках Средней Азии.

САПЕРАВИ

В Исмаиллы почва богата марганцем, железом и карбонатами. Это лучшим образом сказывается на виноградной лозе. Адриано сделал глоток вина. Прошлый год удался. Однозначно, удался. Время близилось к обеду, и терпкие глотки вина пробуждали аппетит.

– Выбери дело по душе и не будешь работать ни дня, – всегда говорил ему дед, профессиональный портной, итальянец Андреа.

В этом году деду бы стукнуло девяносто пять, но пару лет назад его не стало. Его не стало физически, но душа его всегда была рядом с Адриано. Они с дедом были очень дружны. Андреа, не будучи сам виноделом, много рассказывал внуку о традициях итальянцев в выращивании винограда. Они колесили на его стареньком автомобиле по Италии, смотрели на виноградники и мечтали о будущем, о любви, о мире во всём мире. Для деда, прошедшего войну, мир значил очень много. Дед – это целая эпоха. Он умел любить и ждать, как, наверное, могут немногие. Его история – счастливая и горестная одновременно.

1943 год. Война. Лагерь для военнопленных в Австрии. Андреа Верутто только исполнилось двадцать лет. Он месяц в лагере, и в душе боль, чёрная, всепоглощающая, холодная, с металлическим привкусом. Ему бы хотелось выйти из уютного дома в семейный сад, залитый солнцем,

съесть спелый сладкий мандарин и погрузиться в чтение интересного приключенческого романа. А он здесь. В этом страхе, безысходности; в месте, где пахнет смертью и отчаяньем. Молодость никак не сочетается с этим ужасом. Война – это кошмарный сон, который, кажется, никогда не закончится. Андреа плохо спит, болит простуженная спина, мучают сны. В состоянии робота, отрабатывающего каторгу, он пошёл разгружать дрова. На улице было очень холодно. Мерзкий ветер пронизывал до костей. Андреа брал дрова в охапку и относил их в сарай.

Вдруг он увидел, что привезли новеньких. В их глазах, уставших плакать, читалось безразличие, перемежающееся с отвращением к этому миру. Среди всех выделялась молодая женщина с маленькой двухлетней дочкой. Она отличалась от остальных: не была потеряна или испугана, словно приехала по работе на рейсовом автобусе, на котором следует каждый день. Спокойная, статная, уравновешенная, даже с лёгкой улыбкой. Она словно прибыла в их царство мрака с другой планеты.

– Она вышла как будто в луче света. Представляешь, вокруг неё был светящийся шар. И я понял, что-то изменится к лучшему в моей жизни, – рассказывал дед Адриано. – Она была прекрасна. Красива естественной славянской красотой. Русые волосы, серые глаза. Она была чистая и лёгкая, – такое определение дал ей дед.

Он стал наблюдать за ней и маленькой девочкой. Видел с какой нежностью она относится к ребёнку, сколько тепла в ней, сколько заботы и внимания. Эта чудесная женщина оберегала дочь от всех невзгод, и та, по его мнению, даже не чувствовала, что находится в лагере. Она играла с разброшенными деревяшками, палочками, строила из них дома и парадоксально гармонично ощущала себя в этой непростой действительности. Всё-таки, дети – удивительные существа. Для них самое важное, чтобы рядом с ними были родители. Или хотя бы один из них. Тогда мир для них полный, светлый, счастливый. Родительское тепло важнее иных противоречивых и грозных факторов.

Мила, так звали девочку, как потом узнал его дед, была маленькая, тоненькая, но с характером, упёртая и жизнестойкая. За всё время

пробытия в лагере она ни разу не заболела. Мила даже не плакала. Лишь изредка, когда чувствовалось напряжение в лагере, садилась рядом с мамой, прижималась к ней, клала голову на плечо. Мария любила дочь. Огромной, сильной, всепобеждающей материнской любовью. Это любовь была путеводной звездой и для мамы, и для дочки. В лагере трудно сохранить человеческое лицо. Любовь и вера – это единственное, что может спасти. Молитва, которой следовали Мила и Мария, подтверждает эти слова. Два совсем не лагерных человека своим приходом осветили верой и Андреа. Каждое утро он чувствовал всё новые и новые силы вставать и идти работать, ждать лучшего, ждать разрешения войны.

– У неё были такие тонкие пальчики с прозрачной светлой кожей, через которую проглядывали вены. Почему-то это казалось мне очень женственным. И притягательным, – говорил дед.

– Ты сразу влюбился? – спрашивал его Адриано тогда.

– Это были сложные времена. Я понял, что это любовь, когда инстинктивно решил отдать свой паёк девочкам. Но так сложилось, что потом они меня подкармливали. Вот такие были проявления любви. Я испытывал какую-то фантастическую любовь до дрожи в руках. Это была даже не любовь, а обожание.

Дед рассказывал, что у них был швейных цех. Шили и мужчины, и женщины. И из остатков ткани он сооружал маленькие симпатичные платочки. Как сейчас сказали бы – в стиле пэчворк. Они были разноцветные, милые и совсем не военные, а домашние и уютные.

– Какая красота, – сказала Мария, получив первый подарок. – Это очень, очень дорогой платок.

Они стали дружить, разговаривать. Мария и Мила попали в лагерь из Украины. И Андреа не владел русским, их родным языком, а Мария, конечно, итальянским. Как они общались, остаётся удивительным, но подтверждает факт, что у любви свой язык.

– Я говорил ей на итальянском. И она меня понимала. Смеялась над шутками, удивлялась рассказам о моём доме, – улыбаясь, рассказывал Андреа.

– Ты выучил русский? Скажи что-нибудь на её языке.

– Я тебя лублу... – почти по слогам сказал дед.

– Что это значит? – спросил тогда Адриано.

– Это признание в чувствах, в любви, но услышал я его только через три месяца после нашего знакомства. Мария долго ко мне приглядывалась. Держала дистанцию, не подпускала близко к себе, не давала много общаться с Милой. Она боялась доверять. В лагере каждый сам за себя. Такая правда жизни. И довериться – значит поставить под риск свою жизнь. Любовь может быть смертельна. Надзирателям не нравились любовные истории.

– И вы скрывали свои чувства? – уточнил Адриано.

– Конечно. Передавали маленькие записки. Не со словами, со знаками. С сердечками, цветами. У нас с Марией был свой графический язык. Как жаль, что эти записки у меня не сохранились.

Дед рассказал и о переломном моменте. Тайком ночами из маленьких кусочков тёплой ткани он шил Марии пальто. Когда он принёс и протянул ей его, она заплакала. Закрыла лицо ладонями и тихо, еле слышно, шмыгала носом. Тогда она и сказала о любви.

– Это был один из самых счастливых дней в моей жизни.

– Дед, почему ты её потом отпустил?

– Потому что заключённым разрешали вернуться только в их страны. И все разъехались по своим уголкам. Я долго страдал. Писал на адрес Марии в Хмельницкую область. Но никто не отвечал. Я ждал её пять лет, верил, что она объявится весточкой. Но этого не произошло.

– Ты скучал?

– Конечно, Адриано. Более того, я умирал. Умирал от любви. Такое бывает. Я видел её во сне. Открывал глаза ночью в темноте и снова видел её. Это было наваждение. Мою тоску трудно было с чем-то сравнить. Я был в депрессии, как бы сейчас сказали.

– А друзья? Они тебя не могли спасти, отвлечь? – Адриано, которому на момент беседы было четырнадцать, тогда считал, что это возможно.

– Что ты... Меня тогда могло спасти только чудо. Но его не было... Была забота твоей бабушки. Она жила по соседству. И, можно сказать, ухаживала за мной. Отвлекала, угощала. И однажды я сдался, поняв, что шансы увидеть Марию равны нулю.

Так началась другая история, в которой родилась мать Адриано, Софи. И все в принципе жили долго и счастливо, пока бабушка Адриано и жена Андреа – Альда – не скончалась. В конце девяностых дед снова принялся за поиски. Тогда уже технологии были совсем другие. Андреа написал на российское телевидение. Те принялись искать Марию и нашли её в том же украинском селе. Она тоже вышла замуж, родила ещё троих детей. Так же овдовела. И дед поехал к ней. Взяв с собой Адриано. Плакали тогда все. И дед, и внук, и сельская администрация, и дети Марии, и сама Мария, конечно. Дед стал летать раз в три месяца. Остаться на Украине он не мог: было большое домашнее хозяйство в Италии. Возвращаясь к себе, он рассказывал забавные истории.

– Представляешь, я готовлю ей пасту. Только сыр, который я привожу, быстро заканчивается. И я делаю ей пасту с их мягким сыром. Они называют его плавленым. Тоже, кстати, интересно получается. В следующий раз захвачу тебе пару этих маленьких сырков, и ты попробуешь.

Дед был знатный кулинар. Он любил готовить. Знал вкус в еде и в вине. Однажды он привёз вино из винограда Саперави, сделанное в Грузии. Они сидели на крылечке дома. Разложили на доске сыр, свежие булочки, оливки и открыли вино. Это был необыкновенный вечер. Один из последних их душевных вечеров с дедом. Потом Адриано уехал учиться во Францию. И деда не стало. Мария скончалась через два года после его смерти.

Саперави... Это вино так и стало ассоциироваться у Адриано с дедом и с историей любви длиною в жизнь.

Дед стал для Адриано примером, наставником, ментором, он был для него целой вселенной, которая не умерла, а продолжала жить внутри Адриано. Мысли, чувства, ценности. Дед ценил жизнь, трезво и по-бытовому умно её воспринимал. Андреа рано поседел. У него была корот-

кая стрижка и аристократичная бородка, что придавало ему импозантности. Он следил за собой, всегда. Благоухал хорошим парфюмом с нотками камфоры. Носил джинсы или льняные брюки, светлые рубашки навыпуск. Красивый, уверенный, сдержанный, знающий себе цену. Умение держаться на людях, быть в центре внимания, при этом ненавязчиво, не надоедая обществу – это унаследовал Адриано от Андреа. Это качество помогало ему в работе, в переговорах, в публичных выступлениях. Всё-таки как много значат воспитание и атмосфера, в которой растёт и развивается ребёнок! Ведь ребёнку трудно привить то, чем сам не обладаешь. Андреа ненавязчиво обучал Адриано главным правилам жизни – жизни настоящего мужчины. А они – настоящие мужчины – во всех странах одинаковые. Верность, честь, долг, ответственность – как много в этих словах... И Адриано стремился сделать эти слова девизом своей жизни.

Однажды в чудесном открытом кафе в Вероне, в туристическом центре, когда он в очередной раз вернулся из Сорбонны, он познакомился с Саидой – умницей и красавицей. Был июль, тепло и солнечно. Погода создавала окрыляющее настроение. За соседним столиком он увидел красивую девушку с длинными чёрными волосами. Тогда он не мог понять, какой она национальности. Позже он узнал, что она бакинка, приехала сюда на экскурсию в рамках туристической поездки студентов. Она училась в Германии на медицинском факультете. Сначала, сидя в кафе, он просто её разглядывал. Не решаясь подойти, он наслаждался восточной красотой. Потом не выдержал, встал, подошёл к её столику и заговорил:

– Как вам Верона? – спросил он, сформулировав вопрос на английском.

– Чудесно. Просто чудесно, – поддержала Саида беседу, не испугавшись незнакомца.

– Сколько вы здесь дней?

– Всего два. Но хотелось бы больше. – Сказала Саида.

– Вы уже были у памятника Джульетты? Успели загадать желание о вечной и красивой любви?

– Да, мы с друзьями первым делом отправились именно туда. Сколько же её трогают за день...? – спросила в воздух Саида.

– О! Эту цифру даже сложно сосчитать, – засмеялся Адриано.

– Вы здесь живёте? – прищурившись, уточнила восточная красавица.

– Нет, я живу в красивом месте в Тоскане. Здесь тоже туристом. Провожу время как тысячи приезжих из других стран. Иногда очень приятно почувствовать себя туристом в своей стране.

– Здорово, наверное, жить в Италии. Здесь та-а-ак... – задумалась Саида, – ...красиво и вкусно!

– А вы откуда?

– Я из Азербайджана. Знаете ли вы такую страну?

– Да. Слышал. Но не бывал. Надо полететь. Люблю всё новое.

– Вы, смотрю, любитель путешествий... – заметила Саида.

– Просто я живу активной жизнью, много езжу. Я молод, мне интересны все события, которые могут сделать жизнь более яркой. Мы, итальянцы, жизнерадостные люди. А радость в жизни везде, главное – её вовремя заметить.

– В моей стране, в Азербайджане, тоже умеют радоваться жизни. И у нас, кстати говоря, не менее вкусно.

– Не менее вкусно, чем в Италии? – удивился Адриано. – Быть такого не может! У нас самая вкусная страна. Итальянская кухня – самая вкусная в мире.

– Она более распространённая и узнаваемая. Итальянскую кухню хорошо знают в мире. Но азербайджанская... Ммм... Пальчики оближешь. Не узнаешь, пока не попробуешь.

– Всё, уговорила. Надо слетать в Азербайджан. Я готов! Только, если ты выступишь экскурсоводом.

– В каникулы, с удовольствием, – поддержала инициативу Адриано Саида. – Я даже отвезу тебя к бабушке с дедушкой. Они живут в необыкновенной местности – Исмаиллы. Только тебе придётся пока-

зять мне Верону. Потому что я устала от групповых экскурсий. Хочется побродить, самой посмотреть город. Верона, она какая-то магическая. Сошедшая с шекспировских страниц.

Адриано был целиком с ней согласен. Верона – город любви и романтики. Город, прославленный Шекспиром, ставший синонимом несчастной любви, поглотившей Ромео и Джульетту. Верона сочетает средневековье и современность. В этом её изюминка. Они гуляли по городу и наслаждались всей красотой и разнообразием. Романские и готические церкви, дворцы эпохи Возрождения, даже древнеримские памятники архитектуры. Город напоминал о вечном. О важном. О сокровенном. В этом городе все невзгоды и неурядицы казались мелкими. Несущественными. Поправимыми.

Саида и Адриано посетили Дом Джульетты, в котором оба уже побывали ранее, но не смогли исключить его из своего маршрута. Считалось, что именно в этом доме происходили события шекспировской пьесы. На этот адрес каждый день приходили сотни писем от влюблённых, а к балкону Джульетты ежедневно наблюдалось паломничество. После они прогулялись до Арена ди Верона – огромного амфитеатра, третьего по величине в Италии после Римского Колизея и арены в Капуе.

– Сколько величия, – восхищалась Саида. У меня такое ощущение будто я улетела на машине времени в прошлое. И взглядом человека двадцать первого века наблюдаю за происходящим.

– Удивительно здесь. Согласен. Как будто ничего не тронули. Самое парадоксальное, что сохранён дух тех времен.

– Италия и Азербайджан, мне кажется, очень похожи, – отметила Саида. – И там и здесь всегда много солнца. Люди такие же открытые. Я даже чувствую себя здесь так же комфортно и уютно, как дома, – сравнивала Саида.

– Надо, надо мне побывать у вас. Почему ты уехала в Германию?

– Во-первых, в Германии неплохо готовят врачей. Во-вторых, мне хотелось посмотреть мир, вдохнуть новые культуры до того, как я выйду замуж.

– Когда ты собралась замуж?

– Пока не знаю. У меня пока даже жениха нет. К родителям периодически условно кто-то сватается. Но они пока солидарны со мной в решении получить профессиональный опыт, знания, а лишь потом вступать в брак.

– Каким ты будешь врачом? В смысле – какого направления?

– Пока планирую стать хирургом. Мой отец – хирург. И я хочу продолжить династию.

– Папа до сих пор оперирует? – спросил Адриано.

– Да, конечно. Он очень известный хирург в нашей стране. На меня возложена большая ответственность показать, что на детях природа не отдыхает, а тоже трудится, – улыбнулась Саида.

– Ты увидела Европу, путешествуешь, общаешься, хорошо знаешь язык. Нет мыслей переехать в другую страну?

– Нет. Ты что? Я мечтаю быть полезной в Азербайджане. И все полученные знания перевести в помощь там.

– Ты патриотка! – резюмировал Адриано.

– А что? Ты хотел сагитировать меня остаться в Италии?

– А чем тут плохо? – спросил Адриано.

– Мне тут очень хорошо. Но жить и лечить я хочу только в Азербайджане. И точка, – с серьёзным видом произнесла Саида.

Саида и Адриано тогда незаметно перешли на «ты», и это никого из них не смутило. Наоборот, они расслабились. Пара бокалов вина сделала своё дело. Они радовались дню, друг другу, красоте Вероны и были счастливы, что скрывать. Потом они будут часто вспоминать этот день.

Они перебирались из одного ресторанчика в другой, еле успевая делать передышки в поедании блюд. Кухня Вероны разнообразна и славится за пределами Италии. В основе кухни – мясные блюда. Например, мясное ассорти, говядина, тушённая в вине. Также в Вероне готовят потрясающую рыбу. Её вылавливают в озере Гарда, а потом запекают с овощами. Ещё в Вероне есть одно коронное блюдо – паста с кониной. Мякоть конины тушится для этого блюда пять-шесть часов в вине, с мускатным

орехом и корицей. Будучи в Вероне, обязательно стоит попробовать картофельные клёцки, кукурузную кашу и нежнейшее ризотто. А десерты! Это тема для отдельного разговора за чашкой ароматного кофе. Печенье с миндалём, штрудель, торты. В этом городе надо забыть о диете.

– Ты сладкоежка? – после съеденных двух кусков бисквита спросила Саида.

– Я очень люблю сладкое, жить без него не могу. Конечно, стараюсь есть его исключительно на завтрак, чтобы потом сбавить за день калории. Но могу и на ночь наесться без угрызений совести. Считаю, что сладости берегут нашу нервную систему.

– Хорошее ты нашёл себе оправдание, – укорила его Саида.

– Жизнь одна, как ни крути. И надо себе позволять некоторые приятности.

– А я куску торта предпочту кусок мяса.

– Ух ты. Ты суровая девушка, – глядя Саиде в глаза, сказал Адриано.

– Ты даже не представляешь какая, – не стала переубеждать его Саида.

– О чём ты мечтаешь, восточная красавица? – спросил Адриано, когда они от усталости присели на краешек одного из городских фонтанов.

– Я мечтаю о благодарных пациентах, о семье, о детях, о тёплом и уютном собственном доме. Желательно с видом на море. Или на горы. В общем, просто, чтобы из окна был красивый вид... Ладно, а ты?

– Я мечтаю открыть собственную винодельню, растить виноградники, ухаживать за ними. Производить вкусное вино, продавать его. Но сначала выкупить землю в Тоскане, чтобы осуществить задуманное, – смотря в небо, сказал Адриано.

– У тебя прямо мечта-мечта. Настоящая! – восхитилась Саида. – Мои, по сравнению с твоей грандиозной, совсем неинтересные.

– Зато твои мечты более практичные, – заметил Адриано, – мою очень непросто воплотить в жизнь.

– Главное, чтобы было желание. Тогда можно и горы свернуть, – сказала Саида.

– Ты бы меня вдохновила. Ради тебя я бы пошёл сворачивать горы, – романтично заявил Адриано.

– Какие вы, итальянцы, быстрые! Один день с девушкой погулял, а какие заявления делаешь.

– А что тут такого? Если ты мне понравилась. Серьёзно. Я без шуток.

– Разве можно понять за день, что девушка тебе нравится? – Саида удивлённо покачала головой.

– Конечно, можно. За час можно. И даже за минуту, – темпераментно сказал Адриано.

– Это эмоции. Любовь с первого взгляда обманчива, – рассудительно заговорила Саида.

– А мне кажется, что я влюбился раз и навсегда. Как мой дед. И никуда тебя не отпущу, – он посмотрел в глаза Саиды. В её чёрные глаза с густыми и тёмными, как уголь, ресницами.

Адриано рассказал Саиде историю своего деда. И та, конечно же, восхитилась, прониклась, всплакнула. И это создало ещё более романтическое настроение.

– А давай рванём в Тоскану? Сколько у тебя дней до самолёта?

– Четыре. Но как ребята без меня? Я так не могу...

– Ничего, скажешь, уехала к родственникам, живущим в Италии.

– Я так не могу. Я так не привыкла, – пыталась отказаться Саида, но в душе она очень хотела согласиться.

– Ты только посмотри какое небо! Какие звёзды! Насколько всё красиво! – восхищённо сказал Адриано.

– Да, невероятно! Как тепло. Как вкусно пахнет едой. Хочется прилечь прямо на этом фонтане и спать в такой красоте до утра. Есть шансы, что приснится что-нибудь из прошлого или сцена из Шекспира.

– Нет, только не спать. Мы будем гулять до утра. Я буду морить тебя отсутствием сна за то, что ты отказываешься ехать со мной в Тоскану.

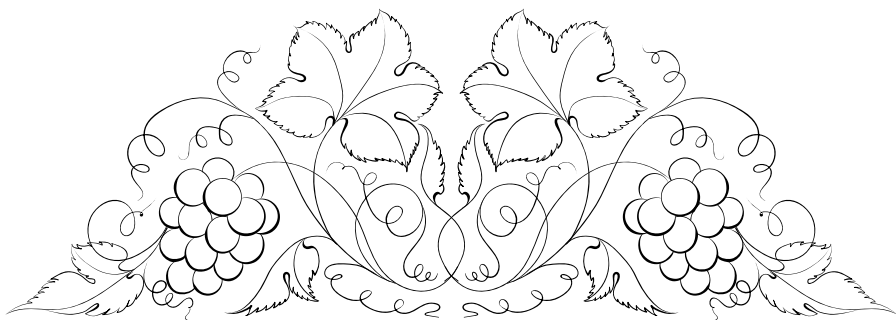
– А если я соглашусь, чем ты будешь меня удивлять?

– Четырьмя днями незабываемого путешествия, лучшими закатами и рассветами, самыми красивыми просторами, самым ароматным в мире кофе по утрам и самым вкусном вином по вечерам.

– Я люблю Саперави. Такой сорт. Знаешь? Чаще всего из него делают вино в Грузии, но в Азербайджане тоже производят.

– Да, это совсем не итальянский сорт. Но я его знаю. Дед меня угощал этим вином.

Адриано точно знал, что никуда не отпустит Саиду. Он уговорил её поехать в Тоскану. Эти дни, полные романтики и невероятного солнца, они не забудут никогда. Уже оттуда Адриано с любимой полетел в Азербайджан к её родителям делать предложение. По-доброму сумасшедший и отчаянно страстный парень. Конечно, те не были сначала в восторге от итальянского зятя, но поняли, что бороться бесполезно. Позже именно родители Саиды поддержали их идею с виноделием. Хотя всем окружающим их мысль – открыть винодельню в Исмаиллинском районе – казалась сущим бредом. Но Саида и Адриано верили друг в друга, и родительское плечо укрепило их на пути к этой непростой цели.

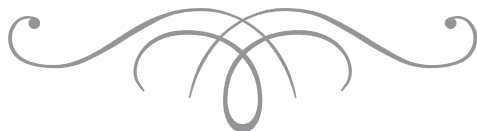

***

Саперави – старинный грузинский технический сорт тёмноокрашенного винограда, широко распространённого в настоящее время как у себя на родине, так и в России, Украине, Молдавии, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане и некоторых других странах. Для Грузии, с её древнейшими винодельческими традициями, передающимися из поколения в поколение, это легендарная разновидность, её гордость. Из пятисот разнообразных сортов и гибридных форм, произрастающих в стране, Саперави занимает самые большие площади, являясь основной сырьевой базой для производства замечательных местных красных вин.

Можно без преувеличения назвать Саперави уникальным по своей самобытности и вариативности тех возможностей, которые он представляет умелому виноделу. Те, кто работал с ним, неизменно отмечают его технологическую гибкость и пластичность. Есть свидетельства об интересных экспериментах, когда технологи и мастера виноделия из разных стран, работая с виноградом с одного и того же участка, одинаковым по времени сбора и сортировке, получали разительно отличающиеся по органолептическим характеристикам вина, каждое из которых представляло сорт в совершенно неожиданном свете. Вместе с тем главной и постоянной отличительной чертой Саперави является потрясающе насыщенный цвет, характерный для вин, изготовленных из него. Собственно, и название своё он получил от слова, которое на грузинском языке означает «краска». Интенсивность пигментации вина из этого винограда настолько высока, что, если разбавить его водой два раза, цвет ни на один тон не посветлеет. Это замечательное качество широко используется виноделами для усиления цвета многих столовых крепких и десертных вин, вырабатывающихся методом купажирования.

КАБЕРНЕ

*«С кем-то солнца мало,
С кем-то неба,
С кем-то тесно и мал океан.
Ну а мне с тобою хватит сердца...
Того, что поёт весь день»
Наталья Власова, «Не беда разлука»*

Катя в своём спокойствии потеряла счёт дням. Она просто высыпалась. Ела местные продукты. Не заморачиваясь приготовлением обедов и ужинов, она покупала свежий лаваш. Горячий, хрустящий, невероятный. Резала ароматные помидоры, добавляла лук, поливала маслом, солила, перчила. И в прикуску с сыром уминала за обе щёки, причмокивая от удовольствия. Жизнь, однозначно, налаживалась. Катя как-то в такой момент ощутила прелесть одиночества, не нуждающегося в объяснении. Здесь, в азербайджанской деревне, никому было не важно, замужем она или нет. Её тут никто не знал. В разговоры она не включалась, держалась особняком. Телевизор не смотрела. Такое чувство, будто спустя много-много лет она приняла себя. Полюбила. И начала жить с собой счастливо. Катя позволяла себе слабости. Гулять до трёх

ночи. Спать до одиннадцати-двенадцати. Не соблюдать диету и есть лаваш в неограниченном количестве. Здесь было душевно и уютно. Её тело и мозг давно не были в таком состоянии равновесия. Это было то самое одиночество, которое способны постичь избранные.

Бокал вина добавлял свободы. Прошлое кружилось вокруг. Катя приняла мысль: то, что казалось утраченным и безвозвратным, здесь рядом, потому что никуда не ушло духовно, а материальная оболочка – это временное... Вспоминая Расула, недели с ним, его кавказский темперамент, отчаянную страсть, которую потом не могла найти ни в ком, Катя удивлялась, почему она раньше не поехала пожить в Дагестан и уж того лучше – в Азербайджан. Здесь, в Исмаиллы, даже в природе всё вокруг было таким же свободным, страстным и решительным.

Станным ей казался только заехавший вчера сосед. Угрюмый, хмурый, он выходил из своего дома, точнее из красивых ворот. Сталкиваясь с Катей на дороге, он даже не здоровался с ней. Бог с ним, знакомиться, но кивнуть-то можно, считала Катя. Он был погружён в какие-то собственные и, как ей виделось, недобрые мысли. Как говорят, был на своей волне. Кате, впрочем, было всё равно. Но для Азербайджана и этой деревни то было совсем несвойственно. Потому что здесь все здороваются, справляются о пребывании, настроении, советуют где и что купить. А этот мужчина как не местный совсем. Выглядел он достаточно мощно. Высокий, крепкого телосложения. Вряд ли он пропадал в тренажёрном зале, так как был обладателем приличного интеллектуального животика.

– Вы не знаете, кто мой сосед? – спросила Катя у женщины, умело пекущей лаваша в тандыре, они иногда перекидывались парой слов.

– Нет. Он не местный. Это дом Вугара. А кто этот мужчина мы не знаем... Может, пустил кого погостить.

– Даже не здоровается. У вас-то все приветливые...

– А что, нам не трудно здоровья пожелать... Говорю ж, не наш. Хоть и азербайджанец. Но не местный.

Катя откусила лаваш сразу после покупки и побрела к дому. Было тепло. Пахло солнцем. Солнце тоже может пахнуть. Оно пропитывает землю, деревья, цветы и начинает пахнуть, издавая солнечный аромат плодородия и тепла. Господи, как же хорошо! Как здесь хорошо! Жить так и жить. И никаких сумасшедших ритмов, никаких планёрок и отчётов. Свобода! В её лучшем понимании. Катя работала с шестнадцати лет. Даже в декрет с Рустамом не уходила. Она впервые в жизни ощутила свободу от всех обязательств. Ей даже казалось, что в её организме не только в духовном плане, но и в физическом началось перерождение. Кожа сияла, пропала сухость на лице. Она прекрасно выглядела без макияжа, выпавшие глаза, пропала бледность или даже серость лица.

– Привет! Как ты там? – звучал из трубки бодрый голос Вики.

– Я – хорошо. Даже не представляешь, как хорошо, – протягивая слова, сказала Катя.

– Хорошо ты, Екатерина Николаевна, устроилась. Шучу, шучу... Я очень рада за тебя. Мы с Кириллом ходим поливать твои цветы.

– С Кириллом? – удивилась Катя.

– Да, с Кириллом. Ты же, перестраховщица, нам обоим ключи от квартиры оставила. Видимо, Кириллу – как соседу. Мне – как подруге. Вот мы с ним и поливаем.

– Усердно поливаете? – съязвила Катерина.

– Усердно-усердно, – подтвердила Вика. – Я прихожу вечером, а он у тебя. Чай попили, поболтали. Хороший он, хочу тебе сказать. Как я это раньше не замечала...

– Ох, Вика. Не морочь хорошему мужчине голову.

– А я что, плохая женщина? – обиделась Виктория.

– Радость моя, ты очень хорошая, но ветреная. Тебе бы стабильности и синдрома гнездования, цены бы тебе не было. И мужа тебе хорошего! Вот! – резюмировала Катя.

– Чья бы корова мычала, – засмеялась Вика. – Тебе бы мужа хорошего! У тебя там мужчины поблизости есть, кто-нибудь ухаживает?

– Ты о чём? Я в деревне, одна в доме. Какие мужчины?

– Ну не знаю, соседи, например.

– Соседи – все семейные. И один новый приехал. Хмурый. Даже страшно. Вдруг он маньяк какой. Его тут вообще никто не знает.

– Не выдумывай. Что маньяку делать в вашей глуши? – логично размышляла Вика.

– Ну да, ну да. Но всё равно боязно. Ничего, я живу хорошо, в помощи не нуждаюсь. В мужчинах тоже. Прихожу к мысли, что моя любовь всегда со мной. И второй такой никогда не будет. Никогда... – с сожалением произнесла Катя.

– Катя, это когда было? Сколько можно? Это почти детская любовь была. Пора сдать эту историю в архивы и жить дальше.

– Не получается. Если бы, видимо, кто-то меня зацепил, всё бы успешно ушло в архивы. А так эти яркие эмоции заглушают всю предлагаемую серость. Видишь, как поэтично я тебе излагаю мысли...

– Ну-ну, – подколола её Вика, – толку-то. В жизни твоей ноль романтики.

– Тут такая природа. Сплошная романтика. Прилетай.

– С ума сошла? Меня и тут неплохо кормят. Тем более, кто твои цветы польёт? Только мы с Кириллом. Он, кстати, пообещал мне помочь вылечить спину. Вчера массаж вечером сделал, сразу стало лучше.

– Не увлекайтесь там. Целую! Не забывайте про меня.

– Пока-пока, – игриво попрощалась Вика.

Можно жить спокойно. Кому-то тоже так хорошо от её поездки. Вике, наверное, такого человека и надо. Твёрдого, спокойного, в меру взрослого. Иначе она никогда не найдёт своё счастье. За всей взбалмошностью Вики много потерь, которые может пережить только такая гибкая психика. Вика светлая. Добрая, всегда приходящая на помощь. И не только Кате. К сожалению, личное место в жизни ей найти очень не просто. Вика, как маленькая и наивная девочка, ждала принца. Принца юного, но опытного. Успешного, но беззаботного. И именно в противоречиях её запроса к космосу и была причина того, что Вика не могла

обрести истинное женское счастье. Мужским вниманием она не обделена. Но того самого, надёжного и надолго, никак нет.

Виктория рано осталась без отца. Он умер от инсульта, когда Вике было шестнадцать. Дома, на руках у её матери. Скорая не успела. Папу она очень любила и во всех мужчинах искала именно его. По рассказам её семьи, папа был фееричным, ярким, компанейским. Вику он баловал и, само собой, очень любил. Теперь она искала мужчин, которые, словно папа, могут её радовать и баловать. Пусть даже весьма простыми вещами – конфетами, плюшками, кофе с корицей, и параллельно – подарками и сюрпризами; умеют страховать её риски. Конфликт в том, что мужчины по внешнему типуажу нравились ей только те, кому ещё двадцать семь не исполнилось. И всё это неизбежно приводило к нервным срывам.

Её первый брак закончился трагически. Сначала Вика сама стала искать эмоции на стороне. Эмоции были сильнее брачной рутины. Её муж Сергей это чувствовал, понимал, осознавал, пытался бороться. Но бороться тогда было бесполезно. Как в песне, она любила летать по ночам. Вика возвращалась домой в два-три часа ночи. Катя, как старший товарищ, пыталась донести до Вики, что это закончится плохо. Но та не слушала: не хотела, не могла, не пыталась.

– Катя, Сергей в больнице, – раздалось однажды первого января, – он попал в аварию.

Как во сне, они полетели в больницу. Он прожил на аппаратах два дня, и его не стало. Вика тогда жила у Кати, потому что находиться одной дома было невыносимо. И Катя переживала эту драму вместе с Викой. Вместе с ней всё переосмысляла, прокручивала, переоценивала жизнь и её приоритеты. С этой болью и сослагательными наклонениями Вика прожила несколько лет. Потом вернулась к прежнему формату. Молодые мужчины, конфетно-букетный период, имеющий срок годности, и периодическое разочарование в любви.

– Ты веришь, что он существует? – спросила её как-то Вика.

– Верю. Он есть. Только ты не готова его разглядеть. Потому что

он не входит в твой круг выбора. Твоему явно больше тридцати, он не занимается творчеством, а работает. Именно такой примет все твои заморочки и будет любить тебя долго. Любить настоящей, серьёзной, способной вынести и горе, и радости любовью.

Может быть Кирилл сможет в ней что-то поменять, всколыхнуть. Катя подумала о том, что неплохо бы выпить бокал вина. Вчера она специально купила несколько бутылок с местной винодельни. Да, так можно спиться. Благо, больше двух бокалов она себе никогда не позволяла. Вино – магический напиток. Открыв бутылку Каберне, Катя наполнила бокал. Сделала глоток. Уже был десятый час и темно на улице. Катя решила подогреть купленный в обед плов в микроволновке и поставить чайник. И что дёрнуло её сделать это одновременно? Свет погас мгновенно.

Сначала, понимая, что это вряд ли поможет, Катя несколько раз нажимала на выключатель. Наверное, вылетели пробки. Так ночевать она не может. Страшно. И вдруг что понадобится, а света нет. А девушка она мнительная. На ощупь в кухонных ящиках Катя нашла свечи. Надо искать, кто сможет помочь. Выйдя на улицу, Катя никого не увидела. Закрытые заборы частных домов были безмолвны, и выход был один: к кому-то постучаться. Сосед слева со всеми четырьмя детьми уехал к родственникам, вспомнила Катя. Утром они так громко собирались, что слышали все соседние дома. По другую сторону от её дома сейчас никто не живёт, она знает. Хозяева живут в Баку и сюда практически не приезжают. Об этом ей доложила всё та же женщина из тандырной. Оставалось только стучаться к соседу справа, который вызывал у неё большие опасения. Но деваться некуда. Не убьёт же он её.

У ворот был современный звонок. И сами ворота были тоже вполне современные, явно с электрическим механизмом открывания. Первые четыре минуты тишины привели к мысли, что затея глупая и помощи Катя не дожждётся. Катерина для приличия каждую минуту тихонько нажимала на звонок. И только она решила развернуться и уйти восвояси, как послышался звук автоматического открывания ворот. Видимо, не

захотели выходить из дома и открывать калитку, предпочитая воспользоваться благами цивилизации. Катя зашла во двор, выложенный плиткой. Ухоженный, аккуратный двор. С клумбами, которые пусть не ежедневно, но периодически пропалывают. Дорожка из плитки вела в сад. Вдалеке виднелся небольшой бассейн. Хорошая территория, что скажешь. Видимо, хозяева дома любят его и всячески облагораживают.

Катя не понимала, проходить ей в дом или ждать, пока выйдут навстречу. Предпочла для начала постоять около дома. Через минуту в джинсах и поло синего цвета вышел тот самый потенциальный маньяк. К которому, о боже, Катя пришла по доброй воле. От этих мыслей ей стало нехорошо. Ноги и руки занемели.

– Добрый вечер! – вполне себе спокойно, на чистом русском сказал мужчина.

– Я... – язык тоже не слушался. – Я хотела спросить. Вы не могли бы мне помочь. Добрый вечер, кстати. У меня он не добрый. Наверное, выбило пробки. И всё погасло.

– Вы что одна живёте? – с удивлением спросил собеседник.

– Да, я здесь одна. Совсем. Я не местная.

– Я понял, по вам в принципе видно, – усмехнулся он. – Пойдём. Что с вами делать...

Когда они шли по тёмной улице, у Кати подкашивались коленки. Нет, она больная. Она сама по доброй воле вела этого странного мужчину к себе. Хотя не странный он. Катя спорила сама с собой. Может, он нормальный: выглядит прилично, разговаривает грамотно. Да и не послал её, пошёл проблему решать. Катя успокаивала себя тем, что она взрослая женщина, даже слишком взрослая, и бояться ей кого-то совершенно не нужно.

– Ну, описывайте, что произошло. И где смотреть пробки.

– Думаю, что пробки на столбе в ящичке. Я не полезла, потому что темно... И я даже не знаю, что там смотреть.

– Вы можете подсветить?

– Да, конечно, телефоном. Сейчас. Включаю фонарь.

– Так. Вы, наверное, одновременно включили два мощных аппарата.

– Да. Микроволновку и чайник.

– Здесь с этим надо осторожнее. Это же не Москва, а деревня в Азербайджане, – улыбнулся мужчина. Раздался щелчок, и свет в доме появился.

– Спасибо. А с чего вы взяли, что я москвичка? – прищурилась Катя.

– Потому что сам там живу много лет. И своих узнаю. Как вас сюда занесло?

– Мы делаем информационный проект, связанный с туристическим потенциалом Азербайджана. И я решила здесь пожить. Если коротко. Совместить, как принято, приятное с полезным.

– Юсиф, – представляясь, её спаситель протянул руку.

– Катя. Екатерина. Спасибо вам большое. Вы спасли меня.

– Не стоит благодарности, это мелочь. Даже весело, что вы меня позвали.

– Почему? – спросила Катя.

– Потому что мне казалось, что я тут отдохну, приду в себя, побуду без людей. Но дня мне хватило. И налетела тоска. А вы её развеяли.

– Может, вина? Не поверите, только открыла вино, налила бокал. И погас свет.

– Не откажусь, – поддержал инициативу Юсиф.

Они прошли в дом. Катя суетливо поспешила убрать ещё утреннюю грязную чашку от кофе. При свете она разглядела Юсифа более детально. Он был ухожен, брутален, с искрой во взгляде и уверен в себе. Классическая повседневная одежда делала его внешний вид лаконичным и сдержанным.

– Когда живёшь один, даже посуду мыть не хочется. Согласен, – успокоил её Юсиф созвучным ощущением.

– Да, есть такое. У меня простое вино – Каберне, сделанное местными виноделами. Наливайте, не стесняйтесь.

– Вы знаете, я вообще не стеснительный человек.

Да, на стеснительного он не был похож. Смуглая кожа, тонкие губы сурового человека, которые в улыбке двигались в основном левым углом. Мимические морщины добавляли мужественности лицу, они изгибались между бровями и в носогубной зоне. И ещё. Даже с первых секунд Кате показалось, что у него особенный, тёплый взгляд.

– А мне здесь в одиночестве хорошо. Представьте, тоска меня игнорирует, – засмеялась Катя, – свет только подвёл. А то так бы и сидела в гордом и долгожданном одиночестве.

– Если серьёзно, зачем вы решили пожить в этом районе Азербайджана? – любопытствовал Юсиф.

– Так сложилось. Я приехала лечить душу, – неожиданно для себя открылась Катя.

– Значит, у нас с вами болит один и тот же орган. И как лечение? Что себе прописали? – поинтересовался Юсиф. – Я так понимаю, доктора редко компетентны в этом вопросе.

– Я прописала себе самое простое – покой. Мне надо всё обдумать. Решить, как жить дальше. Потому что как раньше жить не хочется.

– Аналогичный случай. Но на покой у меня оказалась аллергия. Пока ломаю голову как изменить лечение. Может, вернуться в Москву.

– А в чём проявляется аллергия? – уточнила Катя.

– Я злюсь, ем себя и умираю от рефлексии. Надо выходить на работу.

– Работа не лечит. Она маскирует. Знаю по себе, – со знанием дела заявила Катя. – Снизьте дозу покоя и добавьте новых впечатлений.

– Хороший рецепт, надо попробовать. Но здесь трудно найти новые впечатления. Если только свет погаснет у некоторых. И можно выпить вина и поговорить с «другом по несчастью».

– Это же не ваш дом? – перешла на другую тему Катя.

– Это дом моего друга Вугара, – разьяснил Юсиф, – он сюда приезжает с семьёй на каникулы или выходные. Есть женщина, которая присматривает за домом. Поэтому он ухоженный и благоустроенный.

– Да, я заметила по клумбам. Этот дом под съём менее симпатичный, но мне хватает. Для моей терапии аскетизм даже лучше.

- Надолго сюда? – спросил Юсиф.
- На несколько недель. Приду в себя. И поеду в Россию.
- Чем планируете здесь заниматься?
- Бездельничать дальше, – расхохоталась Катя, – я вас за маньяка приняла. Вы хмурый, не здоровайтесь.
- Когда я с вами не поздоровался? – попытался оправдаться Юсиф.
- Вчера и не поздоровались. Но я уже не обижаюсь. Вы реабилитированы в моих глазах.
- Вчера я был не в себе. Прокручивал в голове события прошлых месяцев и никого здесь не видел. Не только вас. Не сердчайте. Чем вы занимаетесь?
- Вино пью, – ответила Катерина.
- Нет, по жизни в смысле. Кем работаете?
- Я всегда была в журналистике. Сейчас руковожу телеканалом.
- И вас спокойно так отпустили в сомнительную командировку? – удивлённо спросил Юсиф.
- Не спокойно, конечно. Но сейчас такой период. Программы нового сезона готовы. И пока есть возможность отдохнуть. Это такой мёртвый сезон перед мощным стартом. Когда можно отдохнуть или поработать над стратегией.
- Вы выбрали первое... – подытожил Юсиф.
- Первый раз за много-много лет. До этого всегда рисовала планы по завоеванию мира. А вы какими идеями живёте?
- Был чиновником. Теперь в бизнесе. Девелоперские проекты. Международными культурными проектами занимаюсь. Но это больше как отдушина. У меня мама русская, папа азербайджанец. Я родился между двух культур.
- Катя посмотрела на его волосы. В них проглядывалась седина. Лёгкими крупными кудрями они украшали лицо, придавая ему романтизма. Он был красив. Или после бокала вина восприятие исказилось.
- Здесь есть проигрыватель и пластинки. Можем включить музыку и разбавить тишину, – предложила Катя.

Порылись в пластинках. Национальные азербайджанские исполнители, Магомаев, Синатра, Битлз, Вальсы Доги, Пугачёва, Элвис Пресли. Включили Синатру. И дом заполнился глубоким и пробирающим до мурашек голосом.

Юсиф и Катя молча пили вино и слушали музыку. Воздух наполнялся магией. Красотой, очарованием, дыханием. Казалось, что в комнате стало жарче.

– Вы знаете, что говорят биографы Синатры? В молодости Синатра обладал мягчайшим, каким-то врождённо романтическим голосом и прекрасным исполнительским вкусом, удивительным для молодого человека, росшего в 30-е годы в припортовом итальянском городке Хобокен, под Нью-Йорком. Синатра не был красавцем (если не считать глаз нескazanной голубизны), у него был буйный «сицилийский» темперамент, и, тем не менее, всю жизнь он был связан интимными отношениями с женщинами, знаменитыми своей красотой и талантом. Две из них были его жёнами: в 50-х годах – актриса Ава Гарднер, а в 60-х – молоденькая восходящая кинозвезда Миа Фарроу. Они были второй и третьей жёнами, первой была незначительная красавица, которая прожила с ним десятилетие 40-х и родила троих детей. После развода с Мией Фарроу, уже живя в Калифорнии, в 55 лет Синатра влюбился в свою соседку, жену комика Зеппо Маркса – Барбару.

– Да, любвеобильный мужчина был этот Фрэнк, – заметила Катя.

– Именно. И умел подмечать красивых соседок. А мне, как оказалось, это совсем несвойственно.

– Уверена, у вас есть множество других достоинств, – успокоила Катерина.

– Давайте потанцуем, – предложил Юсиф.

– Я не против, – почти шёпотом произнесла Катя.

Юсиф уверенно, но при этом деликатно обнял Катю в танце. От него пахло свежестью морского бриза. Сдаётся, он так пахнет всегда, решила Катя, понимая, что подушиться перед открыванием ворот он точно не мог. Ей нравилась его аура. Его руки, его тепло. Периодически Катя

осекала себя, объясняя притяжение выпитым вином. Юсиф прошептал ей на ухо:

– Вы прекрасно танцуете, – тепло его дыхания волной горячего воздуха проникло в ухо.

– Вы мне льстите, – поддержав игру, на выдохе произнесла Катя.

– Нисколько, – прошептал Юсиф и поцеловал мочку её уха.

Мурашки побежали по её телу. Катя понимала, что в шаге от пропасти. Но бежать уже некуда. Сзади только сожжённые мосты.

Поцелуи спускались по шее. Они продолжали танцевать. Юсиф отодвинул край блузки, и его руки оказались на обнажённой талии. Катю била дрожь. Крупная дрожь страсти, от которой можно было избавиться только одним и самым опасным способом. Юсиф поглаживал её спину, медленно опуская руку под джинсы. Катя растекалась в его горячем дыхании, извивалась в его нежных и крепких руках. Юсиф не дал ей вести эту партию. И шёл по своей намеченной карте, и Кате только предполагалась предугадывать его шаги. Его мощное и сильное тело накрыло её. Их губы соединились воедино. Плавные движения бёдер, и комната наполнилась запахом их разгорячённых тел. Было ощущение, что они знают каждый сантиметр тел друг друга, знают точки, в которых кроется сексуальная энергия. От Юсифа пахло морским бризом. Катя потеряла бдительность. Она тонула в каждом его поцелуе, она стремилась глубже принять всего Юсифа, такого нового и близкого одновременно.

Она спала крепким младенческим сном и проснулась только от сильных лучей солнца, проникающих через окно, не закрытое шторами. Открыв глаза, она не увидела Юсифа рядом. Не успев толком обдумать его отсутствие, она увидела его в проёме двери.

– Ну вы и спите до двенадцати! Вставайте. Не нашёл у вас кофе. Точнее, нашёл, но растворимый. Пришлось к себе сбегать, – как ни в чём не бывало сказал Юсиф.

– Я уже бегу. Можете отвернуться? Я стесняюсь, – смутилась Катя.

– Жду на улице. Вынес туда столик.

– В душ и скоро буду, – отчиталась Катя.

Под струёй тёплой воды ей хотелось остаться подольше. Чтобы вспомнить и осознать всё произошедшее. После душа она посмотрела на себя в зеркало. И подумала, что девушке в запотевшем зеркале надо выдать лимон. Она сияет. Сияет как яркая звезда или начищенный поднос. Глупые и странные метафоры лезли в её отупевшую от страсти голову. Как? Как в таком возрасте можно быть настолько безрассудной?

На улице было прекрасно. Юсиф накрыл стол. Пахло кофе. Хорошим, сваренным в турке кофе, приготовленным человеком, которого, парадоксально, ещё вчера не было в её жизни. Он был свеж и по-новому красив.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Юсиф, незаметно перейдя на «ты».

– Прекрасно, – лаконично ответила Катя.

– И я – пре-крас-но! – по слогам произнёс Юсиф, и они засмеялись. Знаешь, для меня это в принципе родные места. Не здесь, а неподалёку отсюда жили мои родители. Правда, я поздний ребёнок, они переехали в Баку к моему рождению. Но связь с этой местностью, природой где-то на генетическом уровне. Я родился между двумя национальностями, жил в Баку, где мультикультурализм был всегда.

– Поэтому ты занимаешься проектами, связанными с коммуникацией между культурами? – уточнила Катя.

– Именно поэтому. Невежество и незнание другой культуры разжигают конфликты, – сказал Юсиф.

– А ты себя считаешь русским или азербайджанцем? – задала вопрос Екатерина.

– Дорогая Катя, я всегда был и тем и другим. В Баку меня считали русским. В Москве – азербайджанцем. Так бывает, – он подмигнул Кате, – пей кофе, остынет.

– Для меня ты всё-таки больше азербайджанец. Потому что такова внешность. Не похож ты совсем на русского. Ты безумно красивый кавказский мужчина, – Катя сделала серьёзный вид.

– Не преувеличивай. Я не писанный красавец. Харизматичный, конечно, – гордо произнёс Юсиф, ему был приятен комплимент Кати.

– Ты для меня с новой стороны открылся. Практически, человек мира, – заметила Катя.

– Каждый человек хочет познать мир. Это естественно. Любой человек хочет изучить себя. Вникнуть в свою сущность и понять предназначение можно также через познание других людей, стран, культур, этносов.

– Ты философ, – остановила его поток мыслей Катя.

– Есть немного. Обстановка наталкивает на соответствующие мысли. Удивительное стечение обстоятельств. Я здесь оказался случайно. Если бы Вугар не загнал меня сюда с ключом от своего дома, я бы сейчас трудился в Москве и бесконечно рефлексировал по поводу развода, – Юсиф тяжело вздохнул.

– Развод – это тягостно. Я вот официально не была замужем, но подозреваю, что разводиться весьма болезненно.

– Нам не особо болезненно, потому что, по большому счёту, всё уже пережили, переварили и зажили дальше. Но чувство вины не покидает. А к одиноким вечерам усиливается, – Юсиф посмотрел вдаль и словно провалился в омут самобичевания.

– Прости, что лезу. Но если это осмысленное решение, значит, это должно было рано или поздно произойти, – с грустью проговорила Катя.

– Ты права. Кофе хороший получился. Сам не похвалишь, никто не похвалит.

– Не хороший, а отличный, – перебила Катя. – Вообще, чудесное, волшебное утро. Спасибо за завтрак. За яичницу, хлеб и прекрасное настроение.

– А тебе тогда спасибо за ночь.

Юсиф положил свою руку на руку Кати. Они молчали. Не зная, что и как говорить. Осознавая, что слова не требуются. Юсиф потянул Катю за руку. Она села к нему на колени. Он поцеловал её в лоб. Потом в губы. Она расстегнула его рубашку и стала покрывать поцелуями его тело. Он снял с неё халат. Целуя грудь, он как можно крепче прижимал

её к себе. Хорошо, что дом был окружён высоким и глухим забором.

– Как проведём вечер? – спросил Юсиф.

– Даже не знаю. Какие будут предложения?

– Давай съедим в гости к местному виноделу Адриано. Через Вугара попросим, чтобы он нас встретил.

– Он итальянец? – удивилась Катя.

– Представляешь, да. Он женился на азербайджанке, переехал сюда. И занимается виноделием, поднимает небольшой завод по производству вин. Неплохие вина делают, кстати. Каберне твоё тоже, кстати, его производство. Хорошее же вино? – поинтересовался Юсиф.

– Отличное. Расслабляет и, я бы сказала, усыпляет бдительность.

Адриано жил в минутах пятнадцати езды. Его уютный дом будто переехал из Тосканы в Азербайджан вместе с хозяином. Деревенский стиль, обилие дерева, уютная мебель, никакой роскоши, лепнины и прочих буржуазных деталей. В таком простом счастье, видимо, рождаются великие мысли. Роскошь убивает креатив, считал Адриано. Его жена Саида вдохнула в сильный и горячий итальянский темперамент азербайджанских традиций. Его речь за десять лет стала больше похожа на русский с азербайджанским акцентом. Лишь изредка Адриано выражал особую экспрессию колоритными итальянскими выражениями. Он очень любил Саиду. И считал их встречу главным и судьбоносным событием своей жизни. Адриано был фаталистом. И видел во всём знаки судьбы. Саида после десяти лет совместной жизни вызывала в нём всё те же чувства – нежность, уважение, страсть.

– *La donna è come l'onda, o ti sostiene o ti affonda*, – упоминал он итальянскую поговорку, говоря о Саиде.

Что означает: «Женщина как волна: или поддерживает тебя, или топит». Саида поддерживала его во всём, с мудростью кавказской жены она направляла Адриано в сторону больших свершений, подбадривая и спасая от неудач. Выкупленный десять лет назад завод нуждался в полноценном и серьёзном обновлении.

Адриано и Саида встретили Катю и Юсифа запахом пасты и свежеспечённого хлеба, гостеприимно накрытым и изысканно сервированным столом. Их дети гостили у родителей Саиды. Дома было спокойно, можно было познакомиться, обсудить последние новости и погрузиться в светские беседы.

– Завод основали в 1983 году. Это практически одно из первых серьёзных винных производств Азербайджана, – рассказывал за ужином Адриано. – Уже на то время тут было современное производство, выпускавшее вина и другие напитки. Приехав сюда, мы полностью его реконструировали. Благодаря масштабным инвестициям, которые мы привлекли в расширение производства, было приобретено самое современное оборудование ведущих европейских производителей.

– Как же подстроились работники? – профессионально спросил Юсиф.

– Наши работники освоили новейшие технологии для производства качественного вина. Это было непросто. Саида мне помогала понимать местных жителей. Их менталитет, особенности работы, отношение к труду. Надо было подстроиться и мне к ним, и им ко мне, – улыбнулся Адриано.

– Да, Адриано не всегда понимал местных жителей, – включилась Саида, – не только в плане языка. Ему очень хотелось убедить молодёжь остаться здесь, никуда не уезжать, обеспечить их работой, обучить. Помоему, мы вдохнули новую жизнь в эту местность.

– Да. Через несколько лет нашего пребывания здесь стали звонить туристы и туристические компании, им хотелось включить винодельню в карту посещения Исмаиллы, – рассказывал Адриано.

– Так родилась идея гостевого домика, – продолжила Саида, – теперь туристы останавливаются здесь ночевать. Мы проводим экскурсии по комплексу. Дегустируем вино. Это здорово. Мы так любим, когда у нас гости. Значит, история этих мест и вкус нашего вина разлетаются в разные уголки планеты.

Катя смотрела на эту необыкновенную пару. Саида и Адриано дополняли друг друга. Партнёрский союз. Сложно сказать, чего в нём больше – востока или запада. Как и сам Азербайджан, эта пара – олицетворение мультикультуры, гармонии религий, этносов. Она перевела взгляд на Юсифа. Смотреть на него спокойно она не могла. Его глаза, волосы. Ей хотелось бесконечно к нему прикоснуться. Глотки вина раскрепощали. И ей мечталось снова погрузиться в него. В его запах, тепло. Катя хотела дальше познавать его тело. Каждую клеточку его пока не до конца знакомого тела.

– Какие вина у вас производят? – спросила Катя, чтобы выбраться из собственных эротических мыслей и поддержать беседу.

– У нас можно встретить такие ценные европейские сорта как «Каберне Совиньон», «Шираз», «Мерло», «Пино Гриджио», «Совиньон Блан», «Шардоне», любимый всеми кавказский региональный сорт «Саперави» и местные или, как говорят специалисты, автохтонные сорта – «Баян Ширей» и «Мадраса». Для создания вина лучшего качества мы выращиваем виноградники на склонах холма в 30 км от города Гянджа, на правом берегу реки Куры, так как это самое идеальное место. Природа здесь не позволяет летом перегреться гроздьям и увеличивает период созревания винограда, сохраняя в нём больше кислот и свежести. Виноград собирается только вручную.

– Вы сохранили здесь именно азербайджанские вина? С их традиционным вкусом? – Юсиф болел душой за Азербайджан и преемственность виноделия.

– Юсиф, конечно, для чего мы тогда здесь... Автохтоны – аборигенные сорта винограда, с которыми нелегко работать. В Азербайджане их осталось всего два — «Мадраса» (красный сорт) и «Баянд-Ширей» (белый). К несчастью, во времена сухого закона начали массово вырубать виноградники, и из 230,000 гектаров осталось лишь 300, – с сожалением произнёс Адриано.

– У вас есть особенная линейка Hillside, мне рассказывали о ней в магазине, когда я покупала вино. Сказали, что она уникальна, но без подробностей.

– Линия Hillside – это воплощение мастерства наших виноделов и международной команды экспертов. В каждой бутылке этого вина живёт неповторимый букет, индивидуальность, стиль и характер. Каждый глоток открывает что-то новое, оставляя великолепное послевкусие. А в подтверждение этому пару лет назад вино Hillside Saperavi урожая 2015 года получило серебряную награду на Международном конкурсе вин и спиртных напитков в Грузии. Просто представьте себе, «Саперави» из Азербайджана получило медаль на конкурсе в Грузии, где этот сорт по праву считается национальным достоянием, и отношение к нему трепетное и почтительное!

Адриано рассказал, что уборка лучших ягод осуществляется только вручную с такой же сортировкой. Винодельческая часть завода полностью оснащена современным оборудованием, которое позволяет энологам с высокой точностью контролировать весь процесс производства, начиная от загрузки собранного урожая в специальное оборудование и заканчивая разливом уже готового вина.

– Мы разбили виноградники на площади около 400 гектаров. На данный момент винодельня производит 40 разновидностей вин, а также коньяка и водки, которые так же поставляются на экспорт. Мы производим вина разного ценового сегмента, чтобы покупатели могли распробовать все продукты.

– Как вы храните вина? Ведь для этого нужны особые условия, – уточнил Юсиф, делая глоток вина.

– Хранение – предмет особой гордости. Вина выдерживаются на винодельнях обычно в дубовых бочках. Материал, из которого они изготовлены, имеет принципиальное значение, поскольку разные виды древесины по-разному влияют на вкус и аромат вина. На нашем заводе используются бочки из французского и кавказского дуба, произведённые одной из крупнейших французских бондарен, изготавливающей бочки для выдержки вина.

Юсиф слышал ответы Адриано через слово, но при этом искренне стараясь сохранить нить разговора. Мыслями он ещё был в ночи, про-

ведённой с Катей. Он давно не испытывал таких чувств, и ему уже казалось, что он никогда подобное не пропустит через себя, не оставит внутри. Годы, цинизм, опыт, множество любовных приключений. Так многое позади. И всё это не давало шансов чему-то светлому и сакральному. Катя появилась в его жизни, когда Юсиф перестал верить в знаки судьбы. Считая, что в нашем мире их полностью подменила таргетированная реклама. Юсиф не верил в любовь, он давно жил цифрами. И секс, как явление, представлялось страстным выбросом энергии, гормональным стабилизатором, способом поднятия самооценки. Но прошлой ночью был не секс. Это была любовь, которой были не нужны прелюдии и прологи. Она пришла, не спросив двух взрослых разуверившихся людей. Пришла, чтобы, видимо, спасти, увести от отчаяния. Юсиф боялся самого себя в этом состоянии. Он наслаждался, расплывался флюидами непознанного ранее счастья и при этом не знал, что с ним делать. Он боялся потерять его, неловко повернуться и разрушить. Он смотрел на Катю. Её длинные русые волосы, карие глаза, улыбку Моны Лизы, высокие скулы. Ему нравилось в ней абсолютно всё. Ему ничего не хотелось в ней исправить. Она была тем вторым кусочком пазла, который раньше не попадался ему по жизни. А этот вошёл всеми углами и ответвлениями в нужные пазы и подходил идеально.

Катя упорно и сконцетрированно накручивала пасту на вилку. Паста мало её волновала. Просто монотонность движений позволяла уйти в себя. Кто этот Юсиф? И почему она позволила ему приблизиться так близко? Что с этим делать? Продолжать или обрубить? Ей становилось страшно от мыслей, что всё это может закончиться, остаться здесь. А она вернётся через короткое время к своей одинокой жизни, прокручиванию плёнки отношений с отцом Рустама. Или, может, она больше их не вспомнит? Потому что существующее сейчас – сильнее, больше, весомее... Как? Как с этим жить? Катя не понимала. Она перестала думать на перспективу. Ей хотелось вернуться к себе в дом и чувствовать каждой клеткой тела, до самого дна, Юсифа, слиться с ним в одно целое, которое сильнее их обоих даже не вдвое, а во много раз. У этой

зрелой любви вкус выдержанного и дорогого вина, которое может оценить только тот, кто многое прошёл и пережил, кто умеет отличать настоящее от подделки, кто готов беречь и смаковать этот вкус.

Катя и Юсиф встретились глазами. Им были абсолютно понятны мысли друг друга. Юсиф хотел одного – раздеть её, не оставив на теле ничего. Естественность, свобода, безграничность. Ему нравились её изгибы, упругость тела, большая грудь золотого сечения, уместающаяся в его мощную ладонь.

– У нас собралась интернациональная и сильная команда. Поэтому мы получаем международные награды.

– Всегда хотела спросить, какая правильная температура для подачи вина? – проявила интерес Катя, чтобы их эмоциональный контакт с Юсифом немного спал.

– Даже в современных ресторанах зачастую не знают, как правильно подавать вино. Так как это правило пришло к нам из Франции, а в те времена температура во французских погребах была намного ниже, чем сейчас в современных ресторанах. Вы и сами можете себе представить разницу между температурой ресторана сегодня и холодом французских погребов зимой. В среднем правильная температура для хранения вина составляет 10-15 градусов, а подача – до 20 градусов, в зависимости от сорта и региона, – объяснил Адриано.

Юсиф подумал о том, что его чувства всю жизнь словно пробыли в погребе. И любовь к Лике была. Но такое впечатление, что её всё время неправильно хранили и неразумно подавали. Живут же люди всю жизнь, подстраиваются друг под друга. Растут, развиваются. А он только к пятому десятку ощутил нечто, подходящее под хрестоматийное описание настоящей любви. Грех это? Или спустившаяся с небес фата-моргана? Он не мог ответить на вопрос. Юсифу мечталось замереть в этом моменте жизни, вкушать Катю без остатка и быть бессовестно и вопреки всем счастливым.

Ужин у Адриано и Саиды был восхитительным, вино – вне всякой конкуренции.

– Спасибо вам за этот приём. За душевную встречу. Захотелось тоже всё бросить и заняться виноделием, – сказал Юсиф.

– Да, Азербайджан сейчас нуждается в инвестициях в виноделие и увлечённых людях, способных заняться этим непростым, кропотливым, но безумно интересным занятием, – с надеждой посмотрел на Юсифа Адриано. Такое впечатление, что он принял эти слова не за светский комплимент, а за чистую монету, за искреннее желание господина Курбанова.

– Вы не боитесь конкуренции? – создал интригу Юсиф.

– Знаете, здесь я впервые почувствовал гармонию с собой. Наверное, я постепенно становлюсь азербайджанцем, – расхохотался Адриано. – Мне хочется найти единомышленников. В виноделии деньги второстепенны, на первом месте – творчество. И вино, как картины, музыку, стихи, трудно повторить. У каждого получается свой уникальный продукт.

– Поэтому, Юсиф, мы ещё надеемся попробовать ваше вино, – дополнила мужа Саида.

Юсиф посмотрел на них. Они даже были похожи. Бывает же такое. Италия и Азербайджан соединились в одной семье. Традиции двух культур родили такой потрясающий бизнес-проект, скреплённый любовью.

Катя и Юсиф доехали до дома четы Колаяни на велосипедах, которые на их радость обнаружили в гараже у Вугара. Велосипеды были современные, удобные, и даже по темноте ехать обратно было не страшно и комфортно.

– Как тебе Колаяни? – спросил Юсиф Катю по дороге.

– По-моему, они чудесные. Тут может быть другое мнение? – удивилась Катя.

– Да, искренние ребята. Счастливые, я бы тоже хотел разбить здесь палатку и остаться жить навсегда, – мечтательно произнёс Юсиф.

– Хорошо подумал? Кажется, только вчера один трудоголик рассказывал мне о жизненной необходимости вернуться к работе для психологической стабильности, – с серьёзным видом заговорила Катя.

– Тогда этот трудоголик не пережил прошедшую ночь... – объянил Юсиф.

– Юсиф, это волна. Понимаешь, нас накрыла волна. Она нас качает, направляет. Но мы же с тобой взрослые люди и понимаем, что это не бесконечно, – сказала Катя.

– Я не думаю о будущем, а мечтаю. Построить или купить здесь дом. Обнимать тебя каждое утро, поить свежим ароматным кофе... – Юсиф говорил с такой интонацией, словно рассказывал сказку ребёнку.

– Ты сам в это веришь? Наверное, если бы это услышали твои партнёры и друзья, не поверили бы. Я тоже не верю, как Станиславский, – рассмеялась Катя.

– Зря. Я тебе от души говорю... Почему все думают, что только дети могут так искренне мечтать. Взрослые мальчики, как я, тоже могут, просто для этого надо очень постараться и словить нужный момент.

– Юсиф, ты прекрасен. В мечтательном состоянии – особенно. Ты так беззащитен.словно голый, без всей деловой мишуры, – не побоялась этих слов Катя.

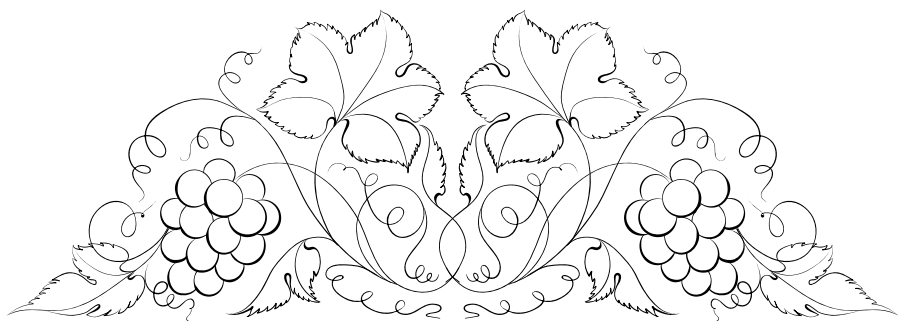
Юсиф верил ей. И сам это понимал. В эту секунду, в этих обстоятельствах, он словно был рождён заново, его ещё ничего не испортило, не испытало, не заставило совершать жёсткие, но нужные поступки.

По приезду Катя отправилась в душ. Юсиф остался во дворе. В небе чётко очертились своим сиянием звёзды. Огромная луна в жёлтом свечении выделялась на их фоне. До полнолуния оставалось несколько дней, одного краешка не хватало до ровного и завершённого круга. Все что начинается и растёт вместе с луной, имеет шансы расти и жить долгое время. Так считают астрологи. Это обнадеживало Юсифа. Ему хотелось найти логическую опору, способную укрепить его веру в эту новую, зрелую любовь.

Это была ещё одна ночь, которую они никогда не забудут, которую положат на самые тайные полки памяти, чтобы никто и никогда до неё не достал. При приближении их тел возникали незаметные человеку

искры, но жар от них был материален. С каждой секундой он всё больше обожал и жаждал её тело. Тело, которое воспринималось продолжением её чистой души. Принципы Кати, её голос, её прямолинейность были тем, что он всегда искал, но не находил в других женщинах. Любовь... Она такая хрупкая, такая невесомая. Особенно, когда настоящая. Что? Что нужно сделать, чтобы она жила, не умирала, не заболела... Известно одному Богу. И Юсифу оставалось только молиться. Как говорил Махатма Ганди, у Бога нет религии. И Юсиф знал, что Бог всегда за любовь. Она в знаменателе всех жизненных примеров. И любовь может быть единственным оправданием решений, которым трудно найти логическое объяснение.

Юсиф не курил много лет. Лет пять он спокойно выдерживал борьбу с этой вредной привычкой. Но в эту ночь, после того как Катя уснула, он вышел на веранду и закурил найденную на кухне Вугара сигарету. Будто знал, что готовит ему завтрашний день.

***

Сорт винограда **Каберне Совиньон** признан одним из самых популярных в мире. Виноделы из разных стран используют Каберне Совиньон для приготовления тысяч брендов красного вина. Сорт отличается тяжёлым и насыщенным вкусом, ярким ароматом, поэтому для получения более живого напитка мастера предпочитают смешивать его с Каберне Фран и Мерло. Для виноградников Каберне Совиньон характерна неприхотливость, хороший урожай и быстрое разрастание. Подобные свойства стали основой широкого распространения сорта среди виноделов от Ливана до Канады.

Виноградники умеренных широт придают напитку роскошный букет вкусов с тонкими оттенками оливок и чёрной вишни. Выращенный в жарких странах Каберне Совиньон приобретает чарующий «джемовый» оттенок вкуса.

Сегодня каждый знает, что Каберне Совиньон — это Бордо. Раньше ходили легенды о том, что корни происхождения винограда уходят в далёкое прошлое. Люди связывали Каберне Совиньон с сортом знаменитого винограда Битурика. Существовали десятки предположений о происхождении сорта. Некоторые утверждали, что впервые Каберне Совиньон появился в испанской провинции Риоха.

БАЯН ШИРЕЙ

Переход от тёмного к светлому всегда сложен и прост одновременно. Он не стоит много денег. Он стоит некоторого количества времени. А время ещё более ценный ресурс, чем финансы.

Душевные болезни трудно решить вином. Ни алкоголь, ни табак не лечат раны, а лишь маскируют их, не давая прийти к трезвому и адекватному выходу. Вино как искусство, как праздник вкуса – это одно. Вино как лекарство, как вытеснение ненужных мыслей – опасный инструмент. Обнуление, белые одежды и смерть ради жизни трудно пережить. Смерть – не только физическую, но кончину определённого периода.

Соломенный цвет, зеленоватый отлив, прослеживаемый запах фруктов, тона луговых трав, лимонника. Оттенки ананаса и личи. Вино «Баян-Ширей» было лёгким, но не для Юсифа, который глушил вино его огромным количеством. Ящик вина стоял в погребе Вугара. И это был самый быстрый способ уйти на дно.

Утром после чудесной ночи, приправленной действием вина четы Калояни, Юсифа разбудил звонок. Звонил Руслан. Его друг и партнёр.

– Ты уже знаешь? – спросил он.

– Что знаю? – недоумевал Юсиф.

– Новости смотрел? Или хотя бы ленту на фейсбуке?

– Ты о чём? – ничего не понимал Юсиф.

– Фото Ланы на первой полосе. Во всех СМИ. Тело россиянки без признаков жизни обнаружено в отеле в Монте-Карло.

– Как...? – выдохнул Юсиф, слов не было. Конечно, ему было плевать на жизнь Ланы. Раньше. Когда она была жива и здорова. Но смерть молодой и красивой женщины, с которой как-никак их что-то связывало, проткнула Юсифа.

– Да, друг. Ну, думаю, с тобой это никто не свяжет. Но допросить всё равно могут. Тем более у вас дочь общая. Начнут копать, этот факт, конечно же, всплывёт. Ты не переживай, подключим лучших адвокатов, – тараторил Руслан.

– Подожди. Я в Азербайджане. И вообще, не об этом... Человека не стало. Известны какие-то подробности? – уточнил Юсиф.

– Ну... Какие подробности. Понятно, что с каким-то неизвестным папиком она там зависала. Что ты, Лану не знаешь?

– Знаю. Понимаю. Но убивать-то её зачем? – бормотал Юсиф.

– Затем, что твоя Лана всегда многого от всех хотела. Напомню, что и от тебя тоже, – бесцеремонно выразался друг.

– Это не повод убить человека...

– Что это – убийство, ещё никто не доказал. Впрочем, наверное, это так. Идёт следствие. Она была мотыльком, летящим на огонь. Такой конец был предсказуем, – холодно заявил Руслан.

– Не говори так. В этом есть и моя вина. Если бы я помогал им с Авророй, она бы не поехала в Монте-Карло.

– Ты о чём? Не вздумай корить себя. Это бессмысленно, раз. Во-вторых, ей не хватало приключений. И любого количества твоих денег ей бы не хватило. Ей всегда нужно было больше, больше, больше... Она сама шла на риск. И это привело к такому финалу.

Юсиф всё понимал. Мозгом. Умом. Но не сердцем. Его не волновали предстоящие допросы. Он был готов всё рассказать, признаться в связи. Ему уже было не страшно. Уже более трёх лет он не чиновник.

А предприниматель имеет больше свободы и никому не должен объяснять свои грешные связи. Развод с Ликой свершился, да и она догадывалась о Лане. Дети? Те со временем примут этот момент и, уверен, простят. Но сам себя он простить не мог. Мысль о том, что он мог повлиять на ход событий не давала ему покоя. Остаться с Ланой? Нет, это невозможно. Поддержать материально? Да, мог. Но спасло бы это? Перевоспитать её? Поиграть в Макаренко? Глупо. Даже в состоянии аффекта он это понимал. Что? Что тогда надо было сделать, чтобы этого не произошло? Держать связь? Находиться рядом? Помогать избегать рискованных связей? Юсиф блуждал в мыслях, не находя ответа. Чувство вины, не подкреплённое логикой, грызло его изнутри. Если бы ему кто-то сказал, что он так воспримет эту ситуацию, в трезвом рассудке он бы не поверил. Он отсматривал новости, опубликованные фотографии и приходил в ужас. Ужас от своей беспомощности что-то исправить.

– У тебя есть мечта? – спросил он как-то Лану.

– Да. Ехать на кабриолете по Монте-Карло, в шёлковой платке и солнечных очках, включить Рианну, отключить телефон. Лететь навстречу лучшему мужчине на планете.

– Я бы мог быть этим лучшим мужчиной? – шутливо спросил тогда Юсиф.

– Ой, нет, – по простоте душевной, не подумав, сказала Лика.

– А чем я не хорош? – продолжал уточнять Юсиф.

– Ты не настолько богат. У тебя есть жена. И ты пожизненно привязан к России. А мне хочется свободы, моря, путешествий. Нет, прости, это не ты. Но ты не переживай, это же просто мечта.

– Я не переживаю, солнышко. Ведь пока ты со мной, – спокойно отреагировал Юсиф тогда и продолжил предаваться любовным утехам.

По всей видимости, Лана нашла мужчину своей мечты. И он стал для неё последним. Кошмар. Это страшный сон. Вино лилось рекой. По его венам. В крови доза алкоголя превышала допустимые нормы. Тошнило. Надо было чем-то закусывать. Но кусок в горло не лез. Юсиф впал в ещё худшее состояние, чем то, в котором он приехал в Азербайджан.

Ли́ка ушла, Лана умерла... Это он! Это он разрушил их жизни. Он во всём виноват. Только он. Его метания, связи, неуважение к этим женщинам. Если бы он не играл их судьбами, все могли бы быть счастливы. И главное – живы.

Катя третий день не понимала, что происходит. Проснувшись утром после чудесной романтической ночи, она не обнаружила Юсифа. Спокойно это приняв, подумав, что он ушёл зачем-то к себе, она пошла в ванную, потом приготовила завтрак. Но ни к завтраку, ни к ужину он не пришёл. Катерина не понимала, что происходит. Вечером она дошла до ворот Юсифа, упорно звонила минут пять и ушла, так и не понимая, куда он мог деться. На звонок никто не отреагировал. Наверное, он улетел. Другого объяснения не было. Любовь прошла, как говорится, завяли помидоры... В её сорок пять – это, конечно, больно, но не как в шестнадцать. Была любовь. Уже хорошо. Какое-никакое исмаиллинское приключение. Катя вернулась к походам за продуктами, даже стала разбирать почту на смартфоне, изучала новые концепции передач, присланные авторами. Договорилась с собой, что горевать не будет. Потому что посетившая её любовь была неожиданной. Пусть так и останется мимолетным подарком. Всё-таки женщина за сорок намного умнее и терпимее, чем даже в тридцать.

Вечерами накатывала ностальгия. Но Катя, твёрдо решив не жалеть себя, открывала книгу и жила жизнью героев, выпивала на ночь тёплое молоко с мёдом и ложилась спать. Ей снился Юсиф. И это были не горестные, а счастливые сны. Вот они купаются в море и брызгают друг на друга солёной водой. И море чистое, спокойное, прозрачное. Вот они идут по цветочным лугам, обнимаясь и вдыхая пряный аромат. Сны были яркие, словно в них увеличили контрастность. Катя просыпалась счастливой. Не было обид и печали. Была светлая любовь, заглянувшая так ненадолго.

Катя говорила себе, что, наверное, это её судьба отпускать и терять мужчин, которых она сильно любила. Видимо, так лучше. Лучше для

кого-то другого. А её мужчина на всю жизнь – это Русик. Обычно они переписывались в мессенджере. Как нормальная мать Катя не доставала сына звонками. А он не забывал писать ей «доброе утро» и «спокойной ночи». Катя позвонила сыну.

– Привет. Как ты? – спросила Катя.

– Привет, мам. Хорошо. Занимаюсь, готовлюсь к докладу на конференции по истории, – услышала она знакомый и любимый голос.

– Я тоже неплохо. Пока здесь, в Азербайджане. Я тебе писала, – отчиталась она сыну.

– Да. Я тоже хотел бы туда съездить. Со мной учится Рауф, азербайджанец. Он говорит, у них классно.

– У вас там весело. После учёбы сможете долго путешествовать, навещая друзей по учёбе.

– Да, ты, как всегда, права. Но пока мы даже об этом не думаем. Тяжело тут, если честно. Много задают и хорошо проверяют. Можешь радоваться, бамбук я тут не курю, – обнадёжил Рустам мать.

– Я в тебе не сомневалась, – подбодрила Катя сына, – ты у меня самый лучший!

– Это ты самая лучшая мама на свете. Я только сейчас начал понимать, что всю жизнь ты мне за маму и за папу. И мне очень хочется, чтобы ты была счастлива. Ты это заслужила.

– Спасибо, мой родной, – слёзы навернулись на глаза Кати.

– Найди себе мужа в Азербайджане. Это лучше, чем сувениры привозить, – проявил чувство юмора сын. И Катя поняла, что сын уже настолько взрослый, что готов делить маму с кем-то ещё.

– Ты знаешь, насколько я привередлива. И такого, как мне нужно, в природе не существует, – ответила Катя.

– А надо найти. Может, ты плохо ищешь? Может, мне тебе английского лорда поискать? – не унимался сын.

– О, нет. Они не в моём вкусе. Посмотри на себя в зеркало. Разве ты найдёшь английского лорда такого типажа?

– Да, мам, тебе нужен кавказский лорд.

– Зараза, – сказала Катя, – ты подкальываешь мать.

– Обнимаю, мам, пора бежать. Ты подумай над моим советом. Потому что англичанки как раз в моём вкусе... И если я уеду...

– Русик, не начинай. Не вводи маму в состояние депрессивного транса. Когда ты, кстати говоря, домой собираешься?

– Думаю, после Рождества буду у тебя.

– Целую, сын, – нежно сказала Катя.

– Пока-пока, – раздалось в трубке, и звонок отключился.

Катя замерла у окна с улыбкой на лице. Стояла и думала, какой у неё всё-таки хороший сын. И правильно, что она за него боролась и оставила, одна растила. Его голубые глаза были её путеводной звездой. Ей так многое хотелось сделать в жизни ради сына, чтобы он ей гордился, не чувствовал себя обделённым отцовским вниманием. Ей хватило мудрости рассказать ему настоящую историю его появления и судьбу его отца. О жарком махачкалинском лете, полном страсти, о терракте в театральном центре и отце, который вывел их из зала, спас им жизни. Но жизнь которого оборвалась там же, в зале (См. Книгу «Качели над Каспием»).

Прошло три дня, как Юсиф, по мнению Кати, уехал. Звонок сына поднял настроение. В окне было темно, и только полная луна светила, как огромный магический фонарь. Катя так задумалась о прошлом и настоящем, что почти не заметила, как включился свет на втором этаже дома, в котором гостил Юсиф. Первый ей не был виден из-за забора. Может, Вугар приехал. Катя не придала значения загоревшемуся свету в окне и пошла спать.

Утром, позавтракав, Катя обратила внимание, что сбоку от дома остались велосипеды, на которых они с Юсифом ездили к Калояни. Катя решила вернуть их, раз приехали хозяева дома.

На звонок опять никто не реагировал. Но она заметила, что калитка открыта. Взяв смелость зайти, Катя пробралась во двор. Но в нём никого не было. И машины не было. Странно, на чём тогда приехали хозяева? Катя поднялась к двери, и та на удивление опять же была открыта.

В гостиной сидел Юсиф. С потерянным видом он пил кофе. Рядом стояли пустые бутылки от вина.

– Ты вовремя, – выдавил он из себя.

– Подозреваю, что сегодня ты лучше, чем был вчера, – продолжила мысль Катя.

– Да, это точно. В предыдущие дни тебе лучше было меня не видеть, – объяснил Юсиф.

– Я ждала какого-то более логичного объяснения от тебя. Хотя ты не должен мне ничего объяснять. Я тебе не жена, не любовница...

– Прекрати. Без тебя тошно. Ты больше чем и первая и вторая...

– Ничего себе, какие откровения, – съязвила Катя.

– Я виноват в том, что умер человек.

– Ты кого-то убил? – спокойно спросила Катя, не понимая, что происходит.

– Нет. Боже упаси. Убил кто-то другой. Я косвенно виноват.

– Ты подавал оружие? – Катя держала себя в руках и старалась насколько возможно сохранять равновесие.

– Я не остановил её на пути к смерти.

– Кого «её»? – спросила Катя, понимая, что услышит то, что знать не хочет.

– Лану, – произнес незнакомое Кате имя Юсиф.

– Это кто? – всё-таки уточнила Катя.

– Моя бывшая любовница, если коротко. Хотя так и есть. Зачем придумывать другие определения. Её труп нашли в гостинице в Монте-Карло. Вероятно, её убил новый любовник.

– Надеюсь, в прямом смысле слова ты в этом не замешан.

– Да нет, конечно. Просто я был старше, умнее её. Надо было ей объяснить, что всё именно так когда-то закончится. Но я этого не сделал, – Юсиф продолжал винить себя.

– Ты не прав. Я не знала эту девушку. Но думаю, что она была совершеннолетняя. И в таком возрасте человек сам принимает решения. Ему не обязательно давать советы и менторскую поддержку. Ты ей обещал,

что всю жизнь будешь её спасать?

– Нет, – тихо сказал Юсиф.

– Ты её удочерил? – продолжала Катя.

– Нет, – опять произнёс Юсиф.

– Так что тогда? В чём дело? Да, так бывает в жизни. Люди не вечные. И сколько мы проживём, известно одному только Богу. Перестань пить и заниматься самобичеванием. Это – не выход. Похорони её по-человечески. Близким помоги. Если хочешь как-то реабилитироваться. Хотя я не думаю, что ты совершил нечто плохое, что требует какой-либо реабилитации.

– Ты права. Катя, ты права. Я не могу взять себя в руки. Не успел я отойти от разрыва с Ланой, как эта новость. Такое впечатление, что я, именно я, навредил и Лане, и Лике. Не дал им сложить своё женское счастье.

– Ты из себя монстра не делай. Тебе не мешало бы поесть. А не только кофе пить. Лика – это твоя жена?

– Да, бывшая, – вздыхая, ответил Юсиф.

У Юсифа было осунувшееся лицо с мешками под глазами. Бледный, несчастный, потерянный.

– Я ходил в магазин. Кофе закончился. Яйца купил.

– К жизни возвращаешься, – порадовалась Катя. – На моё счастье ни калитку, ни дверь не закрыл. Я уж думала, ты улетел.

– Без тебя? – удивился Юсиф.

– А ты мне обещал улететь со мной? – поинтересовалась Катя.

– Нет... Ну... Предполагал.

– И поэтому три дня не объявлялся. Мужчины, вы забавный народ. А если бы я улетела? – предположила Екатерина.

– Ты же не собиралась... – глотнув кофе, сказал Юсиф.

– А могла бы, решив, что ты последний козёл! – не выдержала Катя.

Юсиф уже набрал воздуха в грудь, думая своим застывшим от обильного алкоголя мозгом, что сказать Кате в оправдание. Но Катя спасла его:

– Не напрягайся так. Не стоит. Иди в душ, постой сначала под горячей, потом под холодной водой. И так несколько раз. Спаси сосуды, включи сознание.

– Спасибо, родная, – Юсиф подошёл к Кате и поцеловал её в щёку.

Несмотря на то, что, конечно, Катя злилась на Юсифа, она была бесконечно рада, что он здесь. Несчастный, печальный, убитый чувством вины, но здесь. Потому что, как бы Катя себя ни обманывала, он ей нужен. В десятки, сотни раз больше, чем все остальные. Катерина всё больше приходила к мысли, что для любви, не для страсти, а именно для любви надо должным образом повзрослеть, пройти через боль и испытания, научиться понимать, изучать человека, чувствовать. И главное – принимать. Идеальных нет. Это аксиома. Идеальными и безупречными люди кажутся под наркотическим воздействием космической любви, но рано или поздно это заканчивается. И перед тобой возникает не человек мечты, а сгусток недостатков, который не принимает душа. Пока тело просит этого человека, жаждет его, мы прощаем эти недостатки. Но огонь страсти надо разводить постоянно. И часто недостатки и недопонимание своей мощной струёй негодования страсть тушат. И приходит ощущение пустоты, которое само по себе – однозначная точка невозврата. После неё – или расходиться, или уходить в переосмысление и возвращаться. Но вернуться можно не успеть...

И только взрослый человек, прошедший через радости и горести любви, понимающий и берущий на себя ответственность за партнёра, может войти в долгие и серьёзные отношения. Вот Катя же не убила Юсифа после трёх дней игнорирования и отшельничества, а в двадцать и даже в тридцать она бы орала как потерпевшая, ненавидела его, хлопнула бы в итоге дверью и разрушила всё лучшее, что было. А сейчас ей ясно, что Юсиф в ней нуждается: в её простой заботе и внимании. Парадоксально, но в свои почти полвека Юсиф беззащитен перед внутренними вызовами, которые в таком возрасте уже проходят не так быстро, как в двадцать. Потому что психика уже не такая гибкая,

как раньше, переключатели плохо срабатывают. Катя совсем не думала о том, сколько будет жить эта история. То, что она есть, в таком виде и в этих обстоятельствах, – уже здорово. Это большой подарок небес, который был необходим, как воздух, им обоим. И глупо, совсем глупо им не воспользоваться и потерять.

Катя пожарила яичницу. Сбегала к себе за помидорами, луком и сыром. Яичница с томатами и жареным луком обволокла весь дом уютным и вкусным запахом. Катерина сварила кофе. Порезала хлеб, сыр. Разложила всё на столе, постелив чистую, нагло и самостоятельно найденную в шкафах семьи Вугара.

– Как пахнет, – восхищённо сказал Юсиф, приобняв её сзади, – божественно, лечебно...

– Садись, будем кушать.

Но Юсиф уткнулся носом в её волосы, вдыхал их, чувствовал запах Кати и не хотел её отпускать. Он был счастлив, что она пришла и вытащила его из дьявольской рефлексии отчаяния. Она – хрупкая, нежная – достала сто килограммов его безжизненного тела из алкогольного ада, чтобы возродить и заставить жить. Юсиф крепко сжал руки на Катиной груди, прижав её всей своей мощью. Была бы воля и возможность, он шёл бы так дальше по жизни с ней, как с путеводной звездой. Он впервые за почти пять десятков жизни на этой сложной и противоречивой планете понял, что такое любовь. Любовь – не испытание, не боль, не притирка; не те акробатические этюды в кровати, как с Ланой. А любовь, которая над миром, над обстоятельствами, которой неважно, какая погода за окном, что думают окружающие, и кто из них двоих в этой любви главнее.

Катя чувствовала сквозь волосы его дыхание. И оно пробирало до мурашек. Оно летело вниз живота чем-то горячим и пульсирующим. Ей было холодно и жарко одновременно. Юсиф согревал её своими крепкими и надёжными объятиями. Она смотрела на его большие и крепкие руки, сомкнутые на её груди, и думала, какие они красивые, по-мужски красивые, эти руки. Смуглые, с длинными, но не тонкими аристок-

растичными пальцами. Настоящие крепкие мужские руки с небольшим шрамом на указательном правом пальце.

– Я хочу тебя, – сказал Юсиф шёпотом, отодвигая волосы и начиная целовать шею, спуская рубашку Кати и целуя, слегка прикусывая её обнажённое плечо и спину. – Ты даже не представляешь, как я тебя хочу.

Катерине, не растерявшей остатки трезвости разума, хотелось сказать, что яичница остынет и будет невкусной, что кофе станет холодным. Но всем нутром, всем солнечным сплетением она хотела его не меньше, чем Юсиф хотел её.

И он это чувствовал. Юсиф развернул Катю к себе лицом, поднял её на руки, так, чтобы та смогла обвить его бёдра ногами. Посадил её на широкую столешницу, растегнул до конца её рубашку и стал прокладывать поцелуями дорожку от шеи через грудь, спускаясь ниже и ниже.

В окно ломился луч света, который словно прожектор освещал эту тайную фантастическую связь. Внутренний взрыв, инсайт... То, что чувствовала Катя, сложно описать словами.

Они лежали на полу и смотрели на кухонный потолок. Он был кристально белый. Девственно-белый прямоугольник. И каждому в нём виделось своё. Подмосковные луга, по которым Катя бегала в детстве. Они пахли цветами и летом, ромашками, клевером... Юсиф представлял бегущих лошадей, резвящихся на свободе. Это было ярким воспоминание ребёнка, выросшего в Азербайджане.

– Ты так красива... – сказал Юсиф, проводя рукой по покрасневшей щеке Кати.

– Не льсти. Мне уже не шестнадцать...

– Ох, сомневаюсь я, что в шестнадцать ты была так прекрасна, – Юсиф поцеловал её носик.

– О, я была прекрасна. Честно, прекрасна. Круглое личико, глаза, полные надежды, любви и веры в самое лучшее. Угловатая немного, ищущая себя. Но по-наивности и чистоте – прекрасная.

– Ты знаешь, я лежу и вспоминаю песню Митяева. Перефразирую.

Ты могла быть первой брошенной женой... Ты могла быть интересной, но не уметь любить. Ты могла бы быть случайной... Но стала... – Юсиф подбирал слова. – Стала той, без которой я теперь не представляю своей жизни.

Катя трогала его волосы, их лёгкие волны. Волосы были слегка влажными. То ли от принятого недавно душа, то ли от энергичной страсти, после которой они безжизненно лежали на полу, не найдя силы приступить к завтраку.

– Я ужасно хочу есть. – Сказала Катя.

– Я тоже, вставай...

– Нет, сначала ты. Я не могу. Нет сил. Поднимай меня, – засмеялась Катя. Хотя... Если сейчас будешь поднимать моё обнажённое тело, шансов дойти до завтрака будет меньше.

Остывшая яичница оказалась лучшим блюдом на планете, кофе подогрели. Расстраченные калории и силы постепенно восстанавливались. Юсиф подбирал остатки яичницы хлебом:

– Вчера я думал, что жить не хочется. Даже утром так считал. Дурак. А пришла ты, и жизнь изменилась.

– Я не знаю, зачем ты докатился до такого эмоционального дна.

– Просто это новость выбила меня. Слишком много событий за последнее время. Я должен тебе кое-что сказать, – замялся Юсиф.

– Говори, – глотая кофе, сказала Катя.

– У Ланы есть трёхлетняя дочь, – начал Юсиф, – и, честно говоря, я не знаю, кто её сможет взять. Родители Ланы умерли. Они жили под Саратовом. Есть сестра, она давно уехала в штаты. Может, она... Но это не очевидно.

– Это твой ребёнок? – задала резонный вопрос Катя.

– Да. Стопроцентно. Аврора очень на меня похожа.

– Где сейчас ребёнок? – спросила Катерина.

– В том и дело, что я понятия не имею, где она. Есть ещё одна проблема...

– Какая? – уточнила Катя.

– Я с ней почти не общался. Мне кажется, я её не люблю... Это ужасно, да? Ты именно так сейчас скажешь, – пристально посмотрел на Катю Юсиф.

– Во-первых, я так точно не скажу. Потому что человеческие отношения – единица переменная. Во-вторых, если ты с ней мало общался, как ты можешь делать такой вывод? – рассуждала Катя.

– Я люблю наших с Ликой детей, я знаю, что такое отцовские чувства... Если ты думаешь, что я бесчувственное существо... – напрягся Юсиф.

– Родной мой, я уже в том возрасте, когда понимаю всю многогранность и полутона человеческих восприятий. Ты не чудовище, не кусок холодного металла. Ты человек. Мужчина, для которого этот ребёнок чужой, несмотря на родственность ваших генов. Чтобы любить ребёнка, его надо растить, воспитывать. Любовь – существительное, произошедшее от глагола «любить». Тебе надо побыть рядом с девочкой.

Юсиф позвонил Руслану в Москву. Перевоз тела, судебно-медицинская экспертиза занимали немало времени, поэтому похороны откладывались.

– Руслан, ты не знаешь, где дочь Ланы?

– Твоя дочь? – уточнил, хотя можно было этого не делать, Руслан.

– И моя – тоже. Сути вопроса это не меняет.

– Она в детском доме. Я узнавал. Знал, что рано или поздно, ты поинтересуешься этим моментом.

– Как – в детском доме? Почему ты сразу не позвонил?

– Как я тебе позвоню? Если ты раньше ненавидел вообще всё, что связано с Ланой. Имя её на дух не переносил. Узнал только вчера. Понимал, что ты начнёшь искать её. Это было, прости, предсказуемо, – оправдывался Руслан.

– Так почему она в детском доме? – закипел Юсиф.

– Потому что Лана оставила ребёнка в частном детском саду. Полгода назад. Сад элитный, круглосуточный, сначала она оплачивала его пребывание днём и ночью, Аврора там практически жила. Потом она

исчезла, за сад платить прекратила. И сама пропала, месяц её ждали, а потом обратились в органы опеки. Ты же её официально не удочерял?

– Нет, – потерянным голосом ответил Юсиф.

– Так вот. В графе «Отец» у неё прочерк, матери нет. Ребёнок в детском доме.

– Кошмар, – протянул Юсиф.

– Да. Ужас. Кошмар. Как хочешь, так и называй. Вроде её хотели направить в профессиональную приёмную семью, – разъяснил Руслан.

Чувство вины и собственного ничтожества начало душить Юсифа. Как он, меценат, благотворитель, мог сослать собственного ребёнка в детский дом? Да, не напрямую. Да, косвенно. Но итог-то один: девочка оказалась никому не нужна. Ему было жалко этого ребёнка, ставшего жертвой глупости взрослых, стечения обстоятельств и трагической гибели матери. Но, парадокс, он не воспринимал Аврору своей. Юсиф не понимал себя, своих внутренних эмоциональных течений и поисков.

– Лети. Это нужно сделать. Как бы ты этому ни сопротивлялся, – сказала Катя.

– Может, ты со мной? – с надеждой спросил Юсиф.

– Нет. Прости. Эту встречу ты должен пережить один. Лишние оценки и даже поддержка здесь ни к чему. Это слишком личная история. Я буду на связи. Если тебе будет совсем тяжело, вылечу самым первым рейсом.

– Спасибо, любовь моя! – Юсиф крепко обнял Катю.

Билет был куплен. Вылетать предстояло на следующий день. Юсиф был как комок нервов. И это было объяснимо. Мужчины считают детей продолжением женщины. В подтверждение этому существует множество фактов ухода из семьи и полного безразличия к потомству, сопровождающего расставание. Так устроена психология сильного пола. Поэтому Юсиф боялся. Себя, Аврору, их встречи. Лана была не любовью, а лестью для самооценки, красивой игрушкой, как бы цинично это ни звучало. Ребёнок выбивался из этой концепции. В этом сексуальном марфоне, по сценарию Юсифа, он не должен был появиться. Ещё ему

совсем не хотелось уезжать от Кати. В этой точке планеты, в любимом Азербайджане, с родственной по духу Катериной он был впервые счастлив. Тихим, простым и абсолютно мирским счастьем. Он смотрел на Катю. Как она прибирает кухню, расставляет посуду, как хорошо на ней сидит его мужская рубашка. Почему он встретил её так поздно, так поздно понял, что такое настоящая любовь?

– Катя, остановись, присядь. Я завтра уеду. А сейчас, я хочу, чтобы ты не занималась посудой, уборкой и прочими делами. Хочу смотреть на тебя, разговаривать, пить кофе. И, пожалуй, мечтать...

– «Я хочу», – процитировала Катя Юсифа. – Патриархат в действии.

– Не язви. Я ещё не уехал, но уже скучаю, – его взгляд был наполнен нежностью.

– Хорошо, дай домыть чашку. И я готова долго и упорно мечтать. Тебе действительно надо переключиться с событий будущих дней...

– сказала Катя, понимая внутреннюю бурю Юсифа, и его логичное желание от неё скрыться.

– Когда я сюда летел, думал, что буду пить вино в одиночестве. Приду в себя, оклемаюсь от развода. Но какие-то несколько дней перевернули мою жизнь.

– Я, вообще, мечтала скрыться. От всех и вся. Мне нужно было это спокойствие... – Катя дотянулась до его руки и положила ладонь на его. – А пришёл ты, и спокойствие закончилось, – она улыбнулась.

– Я хочу, чтобы ты всегда была рядом. Не могу представить, что я улечу, и всё закончится. Это ужасно. Страшно даже воображать это.

– Никуда я не уйду, не сбегу, не накручивай себя. Мы взрослые люди. Просто я здесь мало времени, хочу отдохнуть. Тебе надо спасти ребёнка. Каким способом – не знаю. Но делать что-то нужно, однозначно, – Катя успокаивала Юсифа.

В его чайных глазах смешались нежность, боль, страх, разочарование и надежда. Юсиф – человек жёсткий и дисциплинированный в бизнесе – понимал, что оказался в эмоциональном хаосе. Слишком много

всего за короткий отрезок времени. И плохого, и грустного, и трагического. И прекрасного, имя которому – Екатерина. Ему хотелось забыть обо всём и оставить только лучшее. Но иногда надо собрать волю, ответственность и решить те задачи, которые вовсе не хочется решать.

– Почему ты не вышла замуж за всю жизнь? Это по меньшей мере странно... – спросил Юсиф. – Прости...

– Просто однажды я очень сильно полюбила. И всё остальное в сравнении с той первой серьёзной любовью меркло.

– Может, ты сама придумала то большое чувство? – задал провокационный вопрос Юсиф.

– С годами мне приходила эта мысль. Но вернуть прожитое, как ты понимаешь, уже нельзя. Я была сильно увлечена сыном, его целями, желаниями, амбициями. Он сыграл главную мужскую роль в фильме о моей жизни.

– Но ещё не конец, я надеюсь. У меня есть шансы? – Юсиф вопросительно посмотрел на Катю.

– Шансы на что? – переспросила Катерина.

– Встроиться в твою жизнь, – заявил Юсиф.

– Встроиться – это как?

– Жить с тобой, любить тебя, уважать... – он говорил очевидные вещи, но Катя ждала других слов.

– Это неплохая перспектива. Мне хорошо с тобой. Но не путай турпутёвку с эмиграцией. Курортный роман и семейная жизнь – это разные вещи. Понимаешь?

– Мне почти полвека, и я это стопроцентно понимаю. Но мне хватило времени сделать вывод, что ты мой человек. Мой. Родной, любимый, с такой же системой ценностей и жизненных координат, как у меня, – аргументировал свою позицию Юсиф, – в конце концов, я просто без тебя не могу.

– Ты ещё не успел оценить, можешь ты без меня или нет. Слетай, как раз будет время всё обдумать.

Юсиф вернулся в Москву. Было холодно и дождливо. В аэропорт имени Гейдара Алиева его проводил Вугар, который пожелал ему думать сердцем, зная, что чаще Юсиф принимает решения холодным рассудком. Водитель встретил Юсифа и отвёз домой. Дом был забытый и грустный. Ни детского смеха, ни запаха ужина. Пустое и безжизненное жилище. Но Юсиф уже по-другому смотрел на это. Не так болезненно и горько, как до поездки в Азербайджан.

Налив себе бокал вина, которое подарил ему в дорогу заботливый Вугар, Юсиф позвонил секретарю и дал задание связаться с Русланом Гидаятovichем, чтобы уточнить более подробную информацию о нахождении Авроры. Всё-таки он уже проделал работу по этому вопросу. Руслан был его давним партнёром, другом, который многое знал о Юсифе. В своё время Юсиф помогал ему встать на ноги после серьёзных бизнес-потерь. На Руслана можно было положиться.

Было три часа дня. Шансы, что секретарь всё узнает быстро, были малы. Юсиф открыл ноутбук и начал читать о процедуре удочерения. Он вникал в нюансы и понимал, что, скорее всего, придётся проводить генетическую экспертизу и подтверждать факт отцовства. Хорошо, что он уже не политик, не чиновник, а просто бизнесмен, чьи подобные личные моменты слабо интересны общественности. Секретарь сказала, что звонили из полиции, просили приехать. Юсиф знал, что разговор будет о Светлане. Скрывать он ничего не собирался. Связь была, но она уже давно закончилась.

– Юсиф Рустамович, – раздался голос секретаря в телефоне, – ребёнок в Подмоскowie в детском доме. Вы завтра можете приехать в органы опеки и уточнить нюансы. Предварительно я узнала, что завтра есть приёмные часы с десяти до четырёх.

– Её ещё не забрала приёмная семья? – спросил Юсиф.

– Нет, как мне сказали, документы ещё оформляются. Если что, звоните. Адрес, куда ехать, отправлю вам сообщением.

На следующее утро, позавтракав чашкой кофе, Юсиф поехал в опеку. Он долго объяснял ситуацию. Надо сказать, что отнеслись к

его истории с пониманием. Видимо, там привыкли к нетривиальным поворотам судьбы. Приняли его заявление. Машина борьбы за ребёнка включилась. Но больше всего Юсиф хотел и одновременно боялся увидеть Аврору. Начальник опеки, мужчина лет пятидесяти, пошёл ему навстречу, позвонил в детский дом. Там пообещали дождаться Юсифа.

Детский дом не производил впечатление убогого или заброшенного. Выглядел он чистым и опрятным, не дорого, но вполне комфортно обставленным. После вчерашнего тематического сидения в сети Юсиф понял, что здесь задерживаются дети со сложным статусом и непростыми заболеваниями. Поэтому чудо, что Аврору до сих пор не забрали в семью. Не было отказа матери от ребёнка, это спасло девочку.

– Присаживайтесь на диван. Сейчас мы приведём к вам Авророчку, – сказала главный воспитатель, – вы также можете сходить помыть руки. Туалет слева по коридору.

Юсиф зашёл в туалет. Внутри тела было холодно. Лицо наоборот бросало в жар. Он набрал полные ладони холодной воды и умылся. Вышел, сел в томительном ожидании. Время текло медленно. Юсиф нервно перемещался с одной части дивана на другую. Вдруг послышались шаги.

– Авророчка, познакомься. Это Юсиф. Он приехал к тебе в гости.

– Привет, Аврора, – сказал Юсиф и протянул купленного утром на заправке плюшевого медведя. Утром он так спешил, что даже не подумал заехать в детский магазин в Москве. Спихнулся уже на вылетной магистрали.

Аврора была хрупкая, маленькая и испуганная. А может – потерянная. Чёрные локоны обрамляли её лицо. Господи, Юсиф смотрел на неё как в зеркало. Его глаза, его ямочка на подбородке и даже такая же смущённая улыбка, которую у Юсифа всегда принимают за сдержанность чувств. Он ждал своих эмоций. Он боялся их. Юсиф до того, как войти в детский дом, не знал, как воспримет всё, как почувствует,

что скажет ему сердце. Но, когда его рука взяла руку Авроры, внутри дёрнулось, кольнуло, шелохнулось, пробежало мурашками по телу, как током по проводам.

– Ми-ша, – по слогам произнесла Аврора.

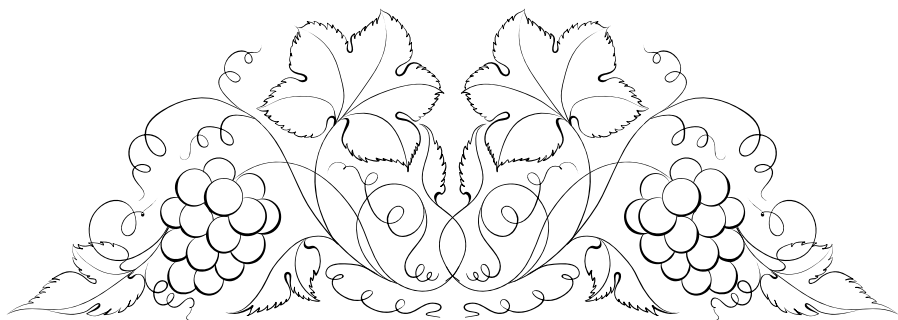
– Да. Смотри, какой он смешной и добрый, – с мультяшной интонацией косолапового сказал Юсиф.

Аврора улыбнулась. И Юсифу показалось, что в этой улыбке вселенная. Ему захотелось немедленно обнять дочь. Но стоявшая рядом воспитательница смущала его.

– Можно мне побыть с ней наедине? – спросил Юсиф.

– Вообще, не положено, – строго ответила воспитатель, – если только не долго.

И Юсиф взял Аврору на колени. Поглаживая её мягкие волосы, пахнущие счастьем, Юсиф млел, млел от удовольствия, которое дарило растворение в этом чудесном создании. Прижимая её к себе, он знал точно, что никогда и никому её не отдаст. Любовь внезапна и неожиданна. Оказывается, любить тоже надо научиться. И иногда это приходит поздно, порою слишком поздно. Юсиф понимал, что он успел в последний вагон уходящего поезда. Прожив полвека, он только научился чувствовать, ощущать этот мир, в котором живёт любовь, но не каждый её замечает.

***

Баян Ширей (азерб. *Bayanşirə*) – высококачественный местный сорт винограда, выращенный методом народной селекции на территории Азербайджана. Распространён в среднегорном поясе. Назван по имени села Баян Дашкесанского района Азербайджана.

В других районах республики этот сорт называют Белым виноградом, Белым соком. Лоза растёт сильно, гроздья белые и сочные. Растёт поздно. Период вегетации 160–165 дней. В составе сока имеется 16–18% сахара, 6–7,5 г/л кислоты.

Считается самым ценным сортом в Азербайджане для производства игристого вина. Был районирован для Азербайджана.

Сорт успешно возделывается в Российской Федерации, Молдове, Украине, Дагестане, Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии, Казахстане. Кусты сильные, требуют сильных форм, в основном веерообразных, разветвлённых. Длина плодовых побегов должна составлять 10–12 глазков. Коэффициент плодоношения выше 2% в орошаемых плодородных почвах.

Количество плодоносных побегов 80–100%. На молодых кустах на одном побеге бывают по 2–3 грозди. Гроздья конусовидной или цилиндрически-конусовидной формы, средней величины или крупные. Иногда встречаются довольно плотные гроздья. Грозди молодых кустов в основном плотные. Средняя масса грозди 180–190 г.

Из Баян Ширей изготавливают лёгкие, мягкие, ароматные вина. Кольчатый спирт из данного сорта быстро созревает, но игристое вино быстро стареет.

МЦВАНИ

(Эпилог)

Сто. Нет, миллион каудалей. А может, и больше. Именно столько в вине любви, которое настаивается долгие годы и откупоривывается в нужный судьбоносный момент. Вугар продал свой дом Юсифу. Всю зиму и весну Юсиф и Катя занимались ремонтом, обустроивали, обновляли, оборудовали детскую, в которую перевезли после суда и решения об удочерении Аврору.

Был май. Чудесный май. Цветущий и благоухающий. Поражающий неоновозелёным колором, которым залился Исмаиллинский район. Рустам стал партнёром Адриано, инвестировал в развитие виноделия и даже высадил виноградную лозу. Жизнь началась заново. В ней не было места злости, ненависти, ревности и конкуренции. В ней была гармония. В этой жизни были особые рассветы и закаты. Они их с радостью встречали и провожали. Юсиф впервые в жизни чувствовал внутреннее спокойствие. Он не бежал, не просыпался ночами в холодном поту, не скрывал ничего, не мучился чувством вины. Гонка была закончена. Прошлое было сдано в архивы.

На майских праздниках по российским традициям в их доме у виноградника собрались гости: Вугар с супругой и детьми; Руслан с женой и двумя сыновьями; Виктория и Кирилл, которые тоже обрели то, что оба так ждали; Адриано с Саидой и их наследниками. Во дворе дома накрыли большой стол, звучали громкие разговоры о высоком, детский смех и музыка.

Адриано угощал первоклассным Мцване. Почему нельзя жить, словно ты выпил бокал вина? Можно. Если твоя зрелость сродни хорошему и ароматному вину.

***

Мцване Кахури (зелёный кахетинский) – один из самых известных и лучших сортов кахетинского белого винограда, используемого в виноделии. Иногда его ошибочно называют и Манавис Мцване (зелёный Манави). Своё название этот сорт получил благодаря желтовато-зелёному цвету спелых ягод.

Мцване – высококачественный сорт, из него получается самое нежное и ароматное столовое вино среди всех кахетинских вин. Готовится оно как по европейской, так и по кахетинской технологии. Мцване также используют в качестве столового винограда. В прежние времена Мцване, ввиду высоких достоинств, широко применяли для улучшения качества других белых вин, чтобы придать им аромат и нежность.

Я помню запах, помню цвет

И лёгкое дыханье.

Горел Мичуринский проспект,

Ноябрь без названия.

Весна сквозь голые стволы

Нам притеснила осень,

Я перешла с тобой на «ты»,

Чтоб никогда не бросил.

Квартира, вид, вино и сон,

И лёгкое дыханье –

Твоё, моё, всё в унисон;

Мы будто в бессознании.

*Я помню запах, помню цвет,
Тебя давно забыла,
Как первый наш с тобой рассвет,
Который отпустила.
Я помню переводы слов,
Язык души и жестов,
На сердце сдвинутый засов
И рефлексию текстов.
Ты говорил, что я важней
Всего, что раньше было.
По всей наивности своей
Я просто полюбила...*

Бри, варенье, хлеб и кофе –
Думаешь, прочла?
Я как будто на Голгофе,
Потому ушла.
Шоколад, вино, конфеты –
Думаешь, смогу?
Брось, какие тут секреты,
От себя бегу.
Утро, мысли, поцелуи –
Запахи весны.
Восклицаю: «Аллилуйя», –
На столе цветы.
Бри, варенье, крепкий кофе,
Острые ножи.
Ты свои в мои ладони
Просто положи.
Солнце, ветер, холод ранний.
Дует поутру.
Твой уход, в окне – герани.
Я переживу...

---

*Как будто не было лет вовсе,
И словно та же пришла осень,
Но только голос мой стал железней,
И вид другой над парадной Пресней.
Как будто не было лет многих,
Мне по-другому поют строки,
Твои сединки и мысли чётче,
Моя молитва знакомой ночью.
Как будто слов нам с тобой не нужно:
Нет, не любовь, это только дружба.
Давай не будем – о снах, о близких,
Всё это совесть, всё это риски.
Как будто ты написал случайно,
Так всё знакомо, какая тайна,
Но только голос мой дрогнет нежно,
Как будто любим мы как и прежде...*

Суворовская Мария Сергеевна

Дом у виноградника

Предпечатная подготовка:
Издательско-коммуникационная группа
«БИЗНЕС-ДИАЛОГ МЕДИА»

BDM^{business}
DIALOG
MEDIA

Дизайнер: *Елена Кислицына*
Корректор: *Людмила Конорцева*
Иллюстрации: *Варвара Смирнова*
Фотограф: *Александр Падежов*

*Все события и персонажи вымышленные.
Любое сходство с реальными событиями случайно.*

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано в печать 20.11.2019. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. 7,5 л.
Тираж 500 экз. Заказ 885.

«Мария Суворовская – настоящая женщина 21 века: бизнес-леди, издатель, общественный деятель и любящая супруга и мама»

www.trend.az

Мария испытывает особые чувства к Азербайджану, его культуре и традициям.

www.azertag.ru

Мария СУВОРОВСКАЯ

писатель, поэт. Член правления Союза журналистов Подмосквья, член Комитета по предпринимательству в сфере медиакоммуникаций ТПП РФ, член Профессионального Союза писателей России, генеральный директор издательско-коммуникационной группы «БИЗНЕС-ДИАЛОГ МЕДИА».

Родилась в Московской области. Журналист, предприниматель, общественный деятель.

